

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Признаки

зарождения

капитализма

- «Домашний вор»
- 1.1. Рационализм
- 1.2. Экономизм
- 1.3. Политическая власть и её взаимоотношения с Законом
- 1.4. Пространство капитализма
- 1.5. Общественно-исторические цивилизации и капитализм

«Домашний вор»

Толкование капитализма как религии, о которой сказано очень много и во имя которой совершено много поступков, внесло бы значительный вклад в правильное понимание этой формации. Европейское мышление, на почве которого капитализм достиг заметных побед, не только способствовало его детальной характеристике и практическому сопровождению, но и серьезным образом мистифицировало реалии формирования капитализма, как и любой другой религии. Сюда же входят христиане, социалисты и анархисты, которые, казалось бы, являются противниками капитализма. Европейское мышление и ум — это целая школа, которая, начиная с XVI века, вступила в процесс превращения в систему-гегемона на мировом уровне. По моему глубокому убеждению, это такая школа, которая продемонстрировала во много раз более изощренное мастерство в мистификации социальной действительности, нежели системы создания божеств шумерскими жрецами. В системе западноевропейского интеллекта и мышления «научный метод» играет основополагающую роль.

Я не говорю о науке как об осознании природы, включая человека. Наука, как общее достояние всего человечества, анонимна настолько, что не может принадлежать какой-либо личности, обществу, структуре и нации. Если и стоит говорить о какой-либо божественной святости, то наиболее достойным этого титула может считаться наука. Но выражение «научный метод» занимает иное место в европейской терминологии. Оно является прототипом всех современных форм тотальных и авторитарных диктатур. Точнее, это семя, оказавшееся в его материнском лоне. Метод, как выражение, по смыслу соответствует таким понятиям, как «способ», «путь», «течение». Если изначально оно имело положительный оттенок и способствовало восприятию, то в связи с длительным зависимым положением превратилось в диктатуру мышления. Настойчивое проталкивание методики с именем науки на устах может привести к самой опасной диктатуре. Наконец, наши рассуждения подтверждаются превращением в фашистскую систему столь ревностного приверженца научного метода, коим является немецкий национально-государственный строй. Несомненно, в Западной Европе имела место революция в сфере мышления. Но это не может быть истолковано как содействие европейскому центризму, тем более что все лидеры этой революции влились в нее из других интеллектуальных потоков за пределами Европы.

Социология Макса Вебера сыграла значительную роль, связав процесс развития капитализма с европейским рационализмом. Его произведение под названием «Протестантская мораль и капитализм» пытается открыть дверь перед этим тезисом. Роль рационализма является одним из определяющих факторов формирования капитализма, но объяснение всех процессов только лишь рационализмом и правом не может самостоятельно разъяснить это явление.

В социологии Карла Маркса победа капитализма как системы связана с ее экономической производительностью. Производительность капитализма оказалась выше других производительных единиц. Умение развивать прибавочную стоимость и превращать ее в прибыль и капитал, способствовало его победе. Основным недостатком капитализма можно считать то, что очень мало места в его системе уделяется таким факторам, как история, политика, идеология, право, география и культура. Капитализму так и не удалось выйти за рамки школы, которая с легкостью сажает жизнь на экономические рельсы. Несомненно, нельзя не упомянуть ценность социально-экономических объяснений. Но до тех пор, пока не будет достаточно четко указано их место среди других фундаментальных факторов, несмотря на все научные идеалы, постоянно будет существовать опасность сползания к догматизму. Именно риск, коренящийся в указанных недостатках, и встречается очень часто.

Существует немало взглядов, связывающих развитие капитализма непосредственно с властью и ее более видимым правовым выражением, коим является современное государство. Корни властных иерархий в недрах общественных объединений уходят в далекое прошлое. Одним из основных факторов является их роль в управлении материальной сферой жизни. Однако сила сама по себе неспособна самостоятельно породить материальную сферу жизни, экономику и их вершину, коей является капитализм. Создание, развитие и препятствия постоянно шли нога в ногу.

Победа капитализма в Западной Европе раскрывает значение места и географического фактора. Часто говорят о том, что колыбелью капитализма стал город Амстердам. Географический фактор, как и другие, несколько ограниченно проливает свет на ситуацию. В этом плане значение смысла может стать более ясным, если называть вещи своими именами, без преувеличений.

Сила толкования, присущая пояснениям, основанным на факторе «цивилизация-культура», неоспорима. Капиталистическая стадия в основе своей совпадает со стадией загнивания цивилизации. Вот какому тезису я уделяю особое внимание. Место, где основной поток цивилизации вливается в океан (тот самый Атлантический океан, омывающий берега Амстердама), является, в сущности, концом этой системы. Несомненно, система была перенесена на противоположный берег океана, где, заручившись поддержкой гегемона в виде национальной государственности США, поднялась на вершину глобализации. Однако процесс загнивания и хаоса особенно четко выражается в том, что жизнь сплошь превратилась в бутафорию и погрязла в медиа-извращениях. Общество обрело показной и потребительский характер, экономика не только не осуществляет мечты, но, напротив, оголяет все нервы, власть до мозга костей проникает в тело общества, а идеологи системы отрицают существование истории.

Невозможно представить себе действительность без истории и времени. Развитие, эволюция, разнообразие и формирование разницы возможно только в границах истории. Окончательное слово можно сказать только о какой-либо конкретной форме. Никакая форма не может иметь привилегии, позволяющей ей стать бесконечной. На пути к осознанию таких понятий, как «бесконечность существования общественных формаций», «последний пророк до Судного дня», «неизменные законы», «непрерывность», «бесконечное движение»

гораздо большую роль сыграло превращение мыслей и убеждений в догмы, усилия, направленные на становление в форме постоянной власти вместе с этими догмами, и придача незыблемости характера интересам привилегированных слоев. Главное при этом — обретение уверенности в себе при помощи пропаганды и увековечивание интересов. Претензии либерализма, являющегося идеологическим ядром капитализма, связанные с тем, чтобы считаться последним словом истории, по сути, являются современным повтором той же игры. Характеризуя капитализм, не стоит наделять его такими эпитетами, как «неизменный», «созданный», «моноцентрическое мышление» и «практика». Прежде всего, надо подчеркивать такие черты капитализма, как умение корыстных лиц и групп паразитическим образом эксплуатировать появляющуюся в обществе прибавочную стоимость, постепенно обретая системность. Число этих паразитов никогда не может превышать одного или двух процентов от численности общества. Они черпают силы в собственном умении воспользоваться ситуацией и организовать ее. Они достигают побед, лучше организуя свою деятельность в рамках критерия места. По мере развития трещин они, с одной стороны, берут под контроль объекты своих потребностей, с другой стороны, играют ценами в разрезе желаний и требований. Если силы официального общества не смогут их подавить, а, наоборот, окажутся в зависимости от их ростовщической деятельности (спекулянтства) и наделят их значительными привилегиями, то эти группы, занимающие в любом обществе маргинальные позиции, смогут утвердиться в статусе новых его хозяев. На протяжении всей истории цивилизации, в частности, во всех общественных формациях Ближнего и Среднего Востока, постоянно развивались такого типа маргинальные ростовщические группы. Из-за постоянного презрения, испытываемого к ним обществом, эти группы не осмеливались вылезти из своих щелей на свет Божий. Никто, в том числе самые волюнтаристски настроенные власти, не смогли узаконить их место в обществе. Их не только презирали, но и воспринимали как наиболее опасную причину загнивания общества, а в нравственном смысле считали рассадником всего наихудшего.

Беспрецедентный характер войн, грабежей, массовых убийств, эксплуатации и разрушения природы, имевших место на протяжении последних четырех столетий истории человечества с центром в Западной Европе связан именно с системой-гегемоном. Несомненно, в этом же географическом регионе имели место величайшие факты противостояния. Так что не все можно расценивать как потери человечества.

То, что я хочу сделать, синтезировать показатели, достигнутые человечеством, благодаря Западу, с позитивными ценностями Востока и пролить луч света на путь осмысленного прорыва.

1.1. Рационализм

Фактору рационализма в рождении капитализма уделяется главенствующая роль. Мы также знаем такую категорию, как западный стиль мышления. Рационализм преподносится чуть ли не как идентифицирующая особенность общественной формации Запада.

Суждение о ценностях в рамках данной версии сводится к тому, что прочие общества на протяжении всей истории так и не смогли в достаточной степени приобщиться к умственным ценностям. Говорят о том, что именно Запад создал науку, приложив немало интеллектуальных усилий, а поскольку наука — это сила, неизбежно превращение системы в гегемона. Наконец, серьезность этого утверждения видна на примере того, что сегодня мы окружены системой-гегемоном с четырьмя просвещенными головами, впитавшими в себя именно этот умственный потенциал. Однако, для того чтобы охарактеризовать интеллектуальный стиль этой системы, удерживающейся на плаву только лишь благодаря ужасающей ядерной политике, необходимо охарактеризовать такое понятие, как ум, соответственно со всеми его особенностями, идентифицирующими человека как биологический вид.

С точки зрения анализа к этой проблеме можно подойти с двух сторон: биологического вида и социального развития. Постараемся рассмотреть их перекрестно, дополняя одно другим.

1. Можно говорить о мышлении человека, как о биологическом виде

Для того, чтобы охватить тему, мы должны задаться вопросом: какой смысл несет в себе разум в системе живых существ, даже в микро- и макропараметрах, в мировом масштабе? Умозаключения, устанавливаемые по поводу частичек, входящих в структуру атома, делают неизбежными рассуждения о разуме, позволяющие раскрыть такие понятия, как «разнообразие», «разница» и вместе с этим «развитие». Главный двигатель вселенной способствует развитию переплетающихся во всем многообразии процессов взаимодействия в мельчайших до невозможности пространствах внутри атома со скоростью, которую невозможно себе представить. Такого рода разнообразные процессы происходят не только в физических, но и биологических мирах. Обратим внимание на наблюдения в пределах метафизики.

Подобное умозаключение можем применить и к макромиру. Вселенная сама является последствием таких фундаментальных категориальных образований, как живое и неживое, конечное и бесконечное, схожее и различное, материя и энергия, тяга и толчок. Это и есть единое целое. Все, что меньше атома, и все, что выше вселенной, вкупе составляют фундаментальную диалектическую дилемму. Время реализуется или позиционирует себя

как единство глубины, а место — как единство ширины. Вопрос «почему существует Вселенная» ассоциируется с полностью метафизическим мировоззрением, но нельзя говорить о его бессмысленности. Однако не стоит забывать о том, что вопрос задается человеком, а человек — существо социальное. Ведь мы не особо верим в существование какого-либо иного бытия за пределами наших феноменальных ощущений. Мы реализуемся настолько, насколько ощущаем, чувствуем, даже мыслим. Напротив, материализм — это бытие, отражающееся в чувствах и мыслях. Я понимаю обескураживающий характер этой дилеммы и особо подчеркиваю необходимость преодолеть его влияние. Невозможно познать Вселенную при помощи этих дилемм. Установка водораздела между мыслью и телом является философским и даже религиозным заблуждением, больше всего способствующим отрицанию жизни. У Вселенной таких проблем нет.

В организации даже самого примитивного живого существа мы находим потрясающий элемент мышления. В качестве первой особенности этого мышления мы видим следующее: если поделить его в пределах срока, состоящего из множества мгновений, увидим, что оно приобщилось к тенденции, ведущей к бесконечности. Ни одно живое существо, прежде существовавшее, не исчезло. Соппротивление этого живого существа в обстановке, создавшей его, способствовало прогрессу вплоть до потенциала мышления, существующего у самой современной человеческой особи. Каким образом потенциал живого существа, зародившийся в одной клетке, развился до такого поразительного живого существа, как человек со свойственным ему мышлением?! Возможно, для простейшей живой клетки, даже для микромиров основополагающим является размножение, для чего им нужна подпитка из окружающей среды, а для всего этого необходимо умение защитить самих себя. Возможно, частички, входящие в структуру атома, решают все свои проблемы, связанные с размножением, питанием и защитой, только в том стиле, который присущ их микромиру. Границы, на которые они опираются, это границы бесконечного размножения, питания и безопасности. Ответ на наше понимание мирового разума мы можем здесь немного достичь. Не стоит считать этот мир чем-то чуждым для нас. Каждая частичка нашей жизни заполнена ими. Может быть, наши усилия в плане размножения, питания и обеспечения собственной безопасности являются обобщенным выражением этого мира (микромира). Может быть, макромир тоже имеет аналогичный характер. Он решительно стоит на позициях собственного мышления, побуждающего к размножению, питанию и обеспечению собственной безопасности. Можно также предположить и то, что макромир тоже отражается на мышлении человека.

Я понимаю, что мы прибегаем к крайней степени умозаключений. Однако понятно и то, что потенциальный мыслительный статус, присущий человеку, нельзя воспринимать как манну небесную. Как можно представить себе разум, абстрагированный от бытия и эволюции? Насколько реалистично считать мышление явлением, свойственным одному лишь человеку? Даже смерть считается обязательной для осознания жизни, а стало быть, и для бытия. Мы можем однозначно заявить, что без смерти не было бы и жизни. Жизнь без изменений до бесконечности, в сущности, своей является отсутствием жизни, поскольку, что если в той или иной обстановке отсутствуют различия, это означает, что отсутствует все. Даже в этой ситуации смерть считается неизбежной для существования жизни. В таком случае, если смерть следовало бы расценивать как некое благодаяние, почему мы так ее боимся, будто смерть — это конец жизни? На мой взгляд, вместо того чтобы испытывать страх перед

смертью, лучше было бы осознать жизнь, ставшую возможной именно благодаря смерти, и, исходя именно из этого, идти к конечному результату, что стало бы лучшим вкладом в развитие Вселенной. Насколько неизбежна смерть, настолько же неизбежна и жизнь. Точнее, единственной целью мне видится поиск ответа на эту тайну Вселенной посредством решения данной дилеммы.

Хорошо, рассуждая в русле решения этой дилеммы, чего же в таком случае можно достичь в результате постижения самого совершенного смысла жизни? В принципе, этот вопрос кажется мне, с одной стороны, крайне неуместным, с другой стороны, очень нужным. Глубокие знания, как и постижение тайны Вселенной, мы могли бы назвать окончательной победой жизни. Освящением жизни и постоянным праздником можно считать и райские кущи, описанные в святых книгах, и нирвану в буддизме, и полное состояние экстаза в мистических учениях.

Некоторые западные мыслители считают, что, согласно известным наблюдениям, жизнь в пределах нашей планеты является результатом полнейшей случайности, и по мере истощения Солнечной системы она полностью затеряется в бессмысленной космогонии. Это напоминает описание ада. Есть аргументы, на которых основана данная форма умозаключений. Однако идея анализа жизни является самой ограниченной из них. В полной мере мы не знаем ни Вселенной, ни эффективного смысла жизни. Мотивы для подобного рода умозаключений не имеют необходимой силы. Мир, в котором мы живем, не дает возможности для зарождения жизни без должной обстановки, но наш мир настолько жив и справедлив, что предоставляет любому живому существу, созревшему для жизни, необходимую обстановку согласно его потенциалу.

Насколько неправильно было бы наделять историю возникновения человека эгоцентрическими чертами, настолько же неуважительно было бы по отношению к чудесному возникновению Вселенной считать эту историю посредственным явлением. Наихудшая метафизика — это позитивизм, пытающийся объяснить явление человека совершенно независимо от Вселенной. Сравнивая связь позитивизма как самого грубого материализма, с капитализмом, я проникаюсь необходимостью столь же уважительного, сколь и осмысленного отношения к жизни.

Подводя итог, скажем, что мы, кажется, обрели возможность познания совершенства Вселенной на примере человека как биологического вида. Познание данного потенциала это одно, а его реализация — это совершенно другая стадия. Один из постулатов восточной мысли, гласящий о том, что «все в человеке», вероятно, помогает познать эти реалии. Должен еще раз отметить, что мышление, сошедшее на почву человеческого эгоцентризма, видит все прочие живые и неживые миры на службе у человека, но такая позиция, ставшая философской базой иерархически авторитарного и тотального понимания проблемы власти, совершенно очевидно приводит к умозаключениям, крайне далеким от жизни. Точнее, становится продуктом такого ума. В те же самые двери ломаются и некоторые экологические философские течения, которые, казалось бы, должны быть антиподом вышеупомянутых, и считают человека главным несчастьем, свалившимся на голову природы. Восприятие результата эволюции человека как беды, свалившейся на голову природы, является продуктом крайне ограниченной философии, у которой очень слабые связи с жизнью.

Недостаточная оценка эволюции, дошедшей до современного уровня человека, вызвана или очень слабой связью с жизнью, или системой, построенной на ужасающей эксплуатации.

Эволюция, дошедшая до пределов человеческой особи, ставит перед нами серьезные нравственные вопросы. До того, как перейти к этому, мы должны суметь охарактеризовать связь разума с обществом.

2. Успешная реализация человеком собственного интеллекта зависит от того, насколько успешно удастся этот интеллект социализировать

Что особенно важно, биологическая структура человека делает обязательным его общественный характер. Человек обречен на такую социализацию, которая немыслима для какого-либо иного живого вида. Человеческое дитя только после пятнадцати лет полностью покидает период своего детства, причем жизнь на протяжении этого отрезка времени попросту невозможна вне общества. Дитя рождается из материнской утробы очень слабым, тогда как детеныши остальных живых существ в течение нескольких дней могут достичь положительных шагов в своем существовании. Человеческое общество — очень сложный механизм, требующий глубокого изучения. Человек, утративший связь с обществом, или развивается на новой стадии, близкой к обезьянам, что становится шагом назад в эволюционном процессе, или же может совсем исчезнуть. Все живые существа, и как представители вида, и как единство видов, испытывают потребность в свойственной им общности. Общество, свойственное человеческому виду, несет в себе субстанциональные качества, которые намного выше любой общности живых существ.

Более глубоким является подход, определяющий общество как «вторую природу». Социализация сама по себе — это эффективное начало активизации мышления, вышедшего за рамки потенциала. Общественность требует постоянного разума. Развитие общества в основе своем—это развитие разума. Это обретение возможного состояния. Питание, размножение и обеспечение безопасности достигают большего развития вместе с растущей социализацией. Я должен более ясно сообщить, что свойственные всем живым существам элементы питания, размножения и обеспечения безопасности — это своего рода проявление ума. Это самый жесткий инстинктивный стиль обучения. Это действия, направленные на обучение поведению, свойственному всему живому. Обобщая, скажем, что прогресс Вселенной ассоциируется с мышлением и обучением. Общество как вторичная природа — это своего рода высшая стадия первичной природы, ее отраженное состояние.

Уверен в том, что, не разобравшись в обществе, как вторичной природе, мы рискуем стать жертвами рискованного заблуждения в осознании роли мышления и практики, способствующих первостепенности первичной природы. Надеюсь, что если человек является

продуктом вторичной природы, то для осознания природы самого человека надо главное внимание уделить осознанию самой природы, породившей его. Именно поэтому я не убежден в объективности науки и его возможности развиваться независимо от вторичной природы. Это определенно кажется мне заблуждением. Я думаю, что такие науки, как химия, физика и даже биология, не могут быть свободны от науки, характерной для вторичной природы, т. е. социальных наук, и от человека. Я понимаю, что блуждаю по берегам некоего религиозного закона. Но основная проблема, которую необходимо раскрыть, заключается в следующем: есть ли смысл в субъектно-объектной дифференциации, если все законы, характерные для первичной природы, благодаря вторичной природе, т. е. обществу, находят свое выражение в личности человека? Сколько можно отделять друг от друга того, кто познает от того, что он познает? Еще более жгучий вопрос: разве не самое серьезное заблуждение — строить субъектно-объектную дилемму на почве разделения познающего субъекта и объекта познания? Позиционирование первичной и вторичной природы в субъектно-объектном противопоставлении я считаю основой всех ошибочных действий, характерных для человека, и всех болезненных социальных процессов. Эта логическая система (стереотип мышления) при помощи капиталистической системы берет в плен все общество и устанавливает над ним режим эксплуатации. Гораздо ужаснее то, что эта система обязательно распространит упомянутую логику давления и эксплуатации в противовес всем элементам первичной природы.

Общественность, вступающая в действие в качестве выхода из трагического положения, в котором оказался человек, на определенных этапах её же собственного пути, превращается в проблему, причем как в отношении человека, так и в отношении себя самой. Безусловно, в дальнейшем я постараюсь охарактеризовать проблемы, в первую очередь, экономические и другие сопутствующие факторы, а сейчас попробуем прокомментировать процессы развития на уровне мышления.

Очень важно подтвердить тот факт, что сила мышления, нашедшая свое место в мозгу человека путем биологической эволюции, и активизировалась, и дифференцировалась уже на стадии социальной эволюции. Я подчеркивал, что общественный характер жизни утверждает свое проснувшееся ото сна и постоянно действующее мышление. Потребностью эволюционного характера бытия является то, что постоянно действующее состояние мысли в тоже время способствует развитию человеческого мозга. Общественная жизнь является основным фактором развития мышления несмотря на то, что это требует длительного периода. Даже личностные заявления в данном случае неубедительны. В основе каждого мышления лежит социальная самобытность.

Из имеющихся антропологических данных ясно, что очень большой период общественной жизни человека протекал в форме охоты и собирательства, и в этих условиях человек поддерживал примитивные контакты с представителями близких ему видов на языке жестов. Нельзя говорить о существовании на тот период каких-либо серьезных проблем социального характера. Естественная эволюция еще была в состоянии реализовать свою волю и поддержать собственный баланс. Уровень мышления человека еще носил чувственный характер — точнее, определяющим был чувственный характер мышления. Основная особенность чувственного мышления действовала рефлекторно. Инстинктивность тоже является разновидностью чувственного мышления, но самой старой его

разновидностью (это можно проследить вплоть до первой живой клетки). Стиль действия этой разновидности мышления реализуется в форме немедленной реакции на раздражители. Тут действует едва ли не система автоматического действия. Данный стиль продолжает сохранять свое существование и воплощает это в наилучшем стиле. Это можно совершенно спокойно наблюдать даже в растениях. Но наивысшего развития такое мышление достигает на примере человека. Формирование мышления, обладающего пятью чувствами, ни у какой живой особи не достигло с точки зрения координации этих чувств таких высот, как у человека. Несомненно, такие чувства, как слух, зрение и обоняние у многих живых существ развиты лучше, чем у человека. Но в плане достижения комплексной и скоординированной ситуации человек, безусловно, находится в главенствующем положении.

Наиболее важной особенностью чувственного мышления является его связь с жизнью. Фундаментальной его функцией является защита жизни. И в плане защиты жизни чувственное мышление достигло серьезного развития, причем данную сторону отнюдь нельзя не оценить. Тут чувственное мышление работает совершенно безошибочно. Я подчеркиваю это в том плане, что чувственное мышление может мгновенно ответить на любой раздражитель. Слабость чувственного мышления делает человека уязвимым перед жизненными опасностями. Уважительное отношение к жизни и оценка ее ценностей связаны с развитым уровнем чувственного мышления. Это мышление наблюдает за гармонией природы. Его можно назвать даже мышлением, благодаря которому естественная жизнь становится возможной. Существованием своего чувственного мира мы полностью обязаны такому типу мышления.

В человеке, комплексное развитие чувственного мышления повышает шансы на установление связей между чувствами. Построение ассоциаций между чувствами, в первую очередь — слухом, зрением и обонянием, способствует развитию разумных движений. Человеческие сообщества на протяжении долгих лет общались на языке жестов, но позднее, с развитием физиологических условий речи, человек смог достичь до уровня языка символов.

Основу языка символов составляет переход к абстрактному мышлению при помощи слов. Умение общаться при помощи понятий вместо знаков стало великой революцией в истории человечества. Далее оставалось именование объектов и явлений, удовлетворяющих самые важные нужды человека, являвшейся серьезным этапом. Параллельно развивалось обогащение понятиями тех взаимоотношений, которые существовали и между именами, будь то особенности объекта, представленного именами, будь то существовавшие между ними функции, что способствовало появлению в языке глаголов и связок. Победа лингвистической революции была ознаменована переходом к языку предложений.

Это стало новой формой мышления. Размещение фраз в сознании дает возможность думать об объектах и явлениях даже в их отсутствие. Так человечество оказалось на пороге теоретического мышления — это стало величайшим явлением. Если не ошибаюсь, одна из частей левой передней лобной доли «специализируется» на развитии именно такого типа мышления. Мы здесь имеем дело с мышлением, которое не только полезно, но и чревато серьезной опасностью, способствующей возникновению крайне тяжелых ситуаций.

Основной особенностью теоретического мышления является его функционирование в отрыве от чувств. Его можно охарактеризовать также как интеллект, усиливающий АНАЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ. Самое важное преимущество аналитического мышления или ума заключается в том, что человек может при необходимости мыслить обо всей Вселенной, не особенно напрягая мысли. Аналитическое мышление формирует поразительный мир образов. Это — умение строить безграничные мечты. Достаточно развиты способности к построению планов, ловушек, заговоров. Подражая законам природы, аналитическое мышление может развить любого рода изобретение. То, что аналитическое мышление способно в любое время построить заранее подготовленные ловушки и различные заговоры, делает его основной причиной внутренних и внешних проблем любого общества.

Взаимосвязанный характер аналитического и чувственного масштабов мышления свидетельствует о добродетели, свойственной человеку. Однако важнее то, с какой целью используется эта особенность. Общество познало эту дилемму уже на первых этапах существования. Ответ на это базируется на МОРАЛИ как фундаментальном принципе организации. Без общественной морали в жизни невозможно справиться с аналитическим мышлением. Например, любой человек, оказавшись в плену гневных страстей, применив некоторое аналитическое мышление, вполне может уничтожить любое неприятное ему живое существо, даже целое человеческое сообщество. Именно в противовес этой опасности общество, доведя мораль, как минимум, до уровня социального принципа, стремилось поставить ее во главу угла. Любое сообщество считало главной функцией воспитание своих членов в русле моральных ценностей. Важнейшая в теории морали дилемма добра и зла связана с функционированием этого аналитического мышления. Полезная работа поощряется в соответствии с моралью добра. Тот, кто старается принести вред, осуждается в связи с моральным отношением к злу. Точнее, зло подавляется и осуждается как нечто противоречащее любой морали — до тех пор, пока не восторжествует мораль добра.

Однако такое состояние общества не сможет достичь обязательного предотвращающего характера. В расщелинах социального тела во все времена находятся хитрецы и любители всевозможных капканов и заговоров. В основе всего этого лежит древнейшее занятие, коим является ОХОТА. Принцип занятия охотой предполагает установку капканов и ловушек против других живых существ. Эта традиция пустила глубокие корни в мире животных и даже растений. Данные корни одновременно являются и биологическими корнями аналитического мышления; но в человеческом обществе происходит нечто еще, а именно: охотничья культура, сливаясь с развивающимся аналитическим мышлением, сплавляясь с ним, обретает способность к созданию некой иерархической системы в социальной структуре и окружающей среде. Именно так начались все бедствия. Рассуждения о рае и аде развивались параллельно процессам создания социальной иерархии на базе аналитического мышления. В то время, как горстка сильных и богатых представителей иерархического общества наслаждалась образами райской жизни на самой вершине общественной лестницы, в низших слоях общества разворачивались самые ужасные адские страдания, причины и пути выхода, из которых непонятны, а пропасть продолжала углубляться.

Первой жертвой, брошенной к ногам сильного мужчины, стала женщина. Более сильная, чем у мужчины, связь с жизнью способствовала лучшему развитию в ней чувственного мышления. Будучи матерью и прилагая труды, вызывающие боль, женщина возложила на свои плечи ответственность за жизнь. Она лучше знает и саму жизнь, и то, как эта жизнь продолжается. Женщина занималась собирательством, собирательство стало и результатом ее чувственного мышления, и необходимостью познания природы. Факт накопления общественных ценностей вокруг матери-женщины на протяжении длительного исторического периода является антропологическим свидетельством богатства этого образа матери-женщины и ее роли как эпицентра всех ценностей. Можно утверждать, что именно женщина породила прибавочную стоимость. Ясно, что сильный мужчина, определивший свою основную роль в качестве охотника и добытчика, образно говоря, положил глаз на эти накопления. Установление власти над женщиной сделало крайне выгодным его положение. Использование женщины в качестве объекта своих половых влечений, переход к институту фиксированного отцовства и своего рода господства над детьми, обретение власти над прочими материальными и духовными ценностями значительно возбудили аппетит мужчины. Организация мощи, которую мужчина обрел при помощи охоты, увеличила шанс создания первой социальной иерархии. Начальные случаи отрицательного применения аналитического мышления и обретения им систематического характера в структуре общества мы можем наблюдать на примере такого рода фактов и явлений.

Переход от священного культа матери к культу отца привел к тому, что аналитическое мышление облачилось в некие доспехи святости. В качестве допустимой версии можно предположить, что патриархальная система укоренилась именно в такой форме. Выдающийся пример патриархального мышления можно наблюдать в бассейне Тигра и Евфрата. Мы видим, что, начав свой путь развития в Нижней Месопотамии в период с середины VI по V тысячелетия до н. э., патриархальное мышление распространилось во всей Месопотамии, превратившись в главенствующую культуру. В частности, на основе археологических данных можно сделать вывод о том, что до перехода к патриархату преимущественно в горно-равнинных областях Верхней Месопотамии вследствие обильного растительного мира, до нашей эры, в эпоху мезолита и неолита, главенствующий характер имел матриархат. Данные об этом можно встретить и во многих письменных культурах. Очень развитый характер имели религиозно-языковые факторы, основанные на женском культе.

Можно говорить о том, что социальная проблема впервые возникла в патриархальных сообществах, последовательно формировавшихся вокруг сильного мужского влияния. Такое начало порабощения женщины подготовило почву для дальнейшего порабощения детей и даже мужчин. По мере того, как рабы, как женщины, так и мужчины, обретали опыт накопления ценностей, в первую очередь прибавочной стоимости, ужесточались контроль и господство, которые над ними установлены. Постепенно усиливается значение власти и авторитарности. Сильные молодые мужчины, как привилегированная прослойка, плюс опытные пожилые мужчины плюс сотрудничество шамана с властями — все это способствует формированию центра власти, которому тяжело что-либо противопоставить. Благодаря аналитическому мышлению, здесь развивается чрезвычайно сильная мифическая база для господства разума. Мифический мир вокруг культа мужчины, примеряющего на

себя ореол божественности, исторически известен нам еще с шумерского общества, уже возвышается вплоть до уровня божества, создавшего и землю, и небо. По мере того, как божественный и священный образ женщины предельно унижался и нивелировался, мужчина формировал свой облик источника абсолютной силы, и, окунаясь в волны величественных мифических образов, обрастал взаимоотношениями повелевающего и управляемого, создающего и создаваемого. Мифический мир, внедряемый в сознание всего общества, постепенно становился религиозным, обретая характер основного средства разъяснения. Теперь уже человечество оказалось лицом к лицу со структурированным аналитическим мышлением, практически не знающим границ.

Сформировавшаяся система иерархических взаимоотношений становится первой системой эксплуатации, гнета и структурной авторитарности, ставшей возможной благодаря узаконению мифического мышления патриархального происхождения и сформировавшихся в его недрах шаблонов. Мы видим эти процессы, пусть даже различные по формам и активности, во многих обществах, находящихся на различных стадиях развития. Мышление, делающее возможными гнет и эксплуатацию, не может иметь чувственный характер. Не может мышление, способствующее возникновению социальных проблем, не достичь аналитического уровня развития и не пройти этап слияния с играми в ловушки на стадии охотничьей культуры. И с целью сокрытия своей основной функции это мышление вынуждено выдумывать ложные легенды.

Несомненно, можно говорить и том, что мифическое и чувственное мышление в совокупности создали весьма позитивные традиции и структуры мышления. Неверно было бы объяснять весь мир мышления одной лишь иерархической властью. Именно поэтому в данном процессе мы часто наблюдаем примеры отсутствия жалости и борьбу разумов, доходящую до уровня открытых конфликтов. Но только так мы можем постичь корни фактов и явлений, называемых идеологической войной, — они возникают перед нами в религиозной, философской, этической и эстетической формах. Столкновения, которые мы часто видим в мифах и религиях, это, в сущности, форма проявления экономической и политической борьбы. Борьба за экономические интересы и борьба за власть, вплоть до воцарения капиталистического образа мышления, выражались в облики мифических и религиозных явлений. Государство демонстрирует процесс фундаментальной структуризации идеологических очагов. То, что процесс подачи властных структур на индивидуальном уровне превратился в представительство на уровне структур, связано с появлением классового общества, развивавшегося вместе с процессом урбанизации, исторически называемым цивилизацией.

Город и классовое расслоение общества чаще всего отождествляются с капиталистической системой. Но в данном случае гораздо важнее раскрытие источников. Ни один из видов социальных взаимоотношений, чей выход или корни не раскрыты, не может быть достаточно осмыслен. Вопрос формирования города и по сей день не может считаться комплексом взаимоотношений, полностью нашедших свое объяснение. Это важнее и требует раскрытия не менее, чем вопрос возникновения капитализма. Лично я уверен, что не будет ошибкой считать город протокапиталистическим образованием. Если рынок является сферой взаимоотношений, развившихся и воплотившихся в недрах капитализма, то город можно назвать развитой и укоренившейся формой рынка. Что касается нашей темы,

то город стал наиболее развитым местом проявления, рынком существования мифического мышления. Что касается самого города, то он в силу своего рыночного характера оказался такой структурой, которая представляет собой орудие мощной социализации, требует аналитического, абстрактного мышления и более всего это проявляет. Город — сфера взаимоотношений, где мифический и религиозный миры более рационалистичны, город ускорил развитие науки насколько же, насколько и исказил ее, способствовал активизации таких исторических процессов, как развитие философии. Но больше всего город связан с аналитическим мышлением.

Абстрактный мир понятий, его отражение на искусстве еще более возвеличивают город. В общественное мышление внедряется абстрагированный от чувственного мышления мир образов, который стремится манипулировать устанавливаемыми им капканами и заговорами в сфере спекулятивных взаимоотношений. В городской обстановке развивается разум. В чем же заключается его характер? Что он реализует больше всего, просвещение или тьму? Абсолютно точных ответов на эти вопросы и по сей день нет. Войны и эксплуатация, власть и классовое расслоение — вот клубок главенствующих взаимоотношений, создающих городское общество. Он не только способствовал появлению в своей структуре деклассированных элементов, составляющих, кстати, подавляющее большинство самого общества, но и осуществил полный геноцид в отношении окружающей среды. Несмотря на то, что мифическое и религиозное самовыражение сообществ, базирующихся на сельском образе жизни, каким-то образом связано с аналитическим мышлением, они играют гораздо большую позитивную роль. Мир их верований во главе с божествами является отражением искренних миров, полных чувств. Их божества дружелюбны, милосердны, великодушны и приветливы. Они могут уменьшить боль, облегчить трудности. Но по мере урбанизации мифических и религиозных форм божества тоже облачились в образы абстрактных фигур, подвергающих человека вечным испытаниям, жестоко наказывающих и требующих не столько молитв, сколько мольбы. Они причиняют боль, больше любят повелевать. В основном в образах этих божеств отражены первые лица того материального мира, который вступил в рыночное обращение. Рыночные и городские боги стали тесно переплетаться друг с другом.

Классовое расслоение общества развивается вследствие раздробления взаимоотношений между иерархическими группами, стоящими на вершине власти, и связанными с ними, в первую очередь, кровным родством, клановыми, родоплеменными и семейно-родовыми сообществами. По мере того, как группы, занимающие высшее положение, входят в структуру государства, группы, занимающие низшее положение, превращаются в подчиненные. А это — безжалостный и отчуждающий процесс. Он связан с отставанием чувственного мышления. В меру своей зависимости от правящих классовых групп, а также, принимая как должное факт их господствующего мышления, те, кто оказался на нижних ступенях социальной лестницы, фактически расписываются в своем падшем положении. Это и есть тот миг, когда угнетенные оказываются на дне общества. Соглашение с собственным приниженным положением становится крайней точкой отсутствия обеих типов мышления. Скучность мышления выражает самое негативное, деклассированное положение в обществе. Чем прочнее положение приносящего в жертву и порабоощающего абстрактного мышления на вершине общественной иерархии, тем больше безумия, нищеты и рабства на дне общества.

Проведя периодизацию истории сточки зрения мышления, мы придем к следующей картине: ранняя эпоха преобладания мифического и религиозного мышления (5000 гг. до н. э. — 500 гг. н. э.), теологическое Средневековье, ставшее синтезом религии и философии (VI-XV вв. н. э.), современная эпоха разветвления философии и науки (с XVI в. по н. в.).

Догматизация мифов способствует формированию религиозных верований. Но мифы нельзя полностью считать религией, поскольку религия предполагает неизменную веру и формы поклонения. Она полностью вымышлена, и вера в вымыслы составляет основу религии. Единственная положительная сторона заключается в том, что при переходе к абстрактному мышлению религия способствует глубокому разлому общества, и, хочет религия того или нет, но в обществе происходит подготовка почвы к научному и философскому мышлению. Вышеуказанные формы мышления развиваются в диалектической связи с религиозным мышлением. Они носят глубокие следы религии.

Несмотря на то, что в основе философии лежит мышление прежде умозрительного характера, она постоянно связана с конкретикой и не рвет связей с чувственным мышлением. Наивысшей формой мышления является абстрагирующая сила. Ее вклад в науку больше, нежели вклад религии.

Собственно говоря, у науки нет серьезных отличий от философии. Науку можно истолковать даже как философию с более развитой экспериментальной базой, и наука, и философия стараются осмыслить обе природы при помощи наблюдения и экспериментов. И это правильно. Но самым серьезным недостатком религии является отсутствие вразумительного ответа на задаваемый вопрос «почему?». Даже ответ на вопрос «как?», задаваемый природой, не может считаться полным ответом на вопросы жизни. Было бы неверно считать грандиозную Вселенную субстанцией без причины и цели. Наука, не знающая ответа на вопрос «почему?», задаваемый самой жизнью, в результате неизбежно превратится в орудие порабощения в руках власти. Я должен выдвинуть в качестве серьезного тезиса то, что отделение науки от философии и религии (что связано с вопросами о причинах и цели) тесно связано с капиталистическим мышлением.

Могу подтвердить свой тезис следующим образом. Религия и философия, даже мифы — это память общества, его идентичность и возможность самозащиты при помощи интеллекта. Как бы ни была искажена, как бы она ни противоречила самой себе, но ее существование — это социологическая реальность. Общество, чьи связи с историей и собственной памятью разорваны, и наука, зародившаяся в подобном обществе, могут только способствовать служению действующей власти — в данном случае это капитализм. Мифы, религия и философия в условиях капитализма полностью обесценены. Спросите, отчего? Ответ ясен. Это происходит оттого, что на протяжении тысячелетий религия, философия, эпос не воспринимали и изгоняли элементы капиталистического толка, притаившиеся в складках общества (всевозможными подстрекатели, спекулянты, злоупотреблявшие дисбалансом цен на рынке). Ведь если религия, философия и эпос смогут отстоять свое место в мышлении общества, продолжат занимать главенствующие позиции в чувственном сознании общества, то превосходящая роль капитализма попросту окажется невозможной. Никакая власть в подобных рамках мышления, стало быть, морали, не может узаконить капитализм. В той социально-экономической системе, на которую она основана, она не в состоянии защитить

его.

Социолог Макс Вебер характеризует христианство протестантов как мир мышления, подготавливающий интеллектуальную почву и нравственный переход к капитализму. Данное суждение, не лишённое доли правды, можно подвергнуть критике с двух позиций:

а) протестантство само по себе свидетельствует о слабой вере. Его приверженность к капитализму близка также и к науке. Что особенно важно, протестантство открывает эпоху национальных религий. Это своего рода стадия, предшествовавшая национализму. Что касается национализма, то это — чистейшая идеология капитализма. Рассмотрение именно с этой точки зрения масштабных религиозных войн, имевших место в Европе, способствует более полному раскрытию сути.

Капиталисты впервые обрели возможность победы в таком географическом регионе, где религиозные традиции были развиты слабее всего (Голландия, Англия, США). Вместе с тем, указанные страны являлись своеобразным пристанищем различного рода сектантских течений. Я не защищаю идею религиозной ортодоксальности, но всего лишь хочу пояснить, что легкий переход имел место в силу того, что протестантская мораль сама по себе наиболее слабая в христианской морали. В этом заключается отличие моих взглядов от взглядов Вебера. Просто я считаю отрицательным то, что он называет положительным;

б) как бы парадоксально это ни прозвучало, капиталистическое мышление получило признание на конечной или ослабленной стадии длительного исторического развития религиозного мышления. Я совершенно не считаю науку продуктом капиталистического развития. Тут можно говорить о роковом совпадении этапов развития, когда научная революция имела место почти в одном столетии с капиталистической— экономической революцией в Западной Европе. Это совпадение эпох завершилось тем, что конструкторы капиталистической мысли выдали за правду гигантскую ложь о том, что капитализм, якобы породил науку. Личности, внесшие свой вклад в науку, конечно же, проживали в тех же обществах, где имело место активное развитие капитализма. Однако это обстоятельство ни в коем случае не приведет к тавтологии типа «ученые появились благодаря капитализму». У представителей научного мира были противоречия с представителями религиозной мысли, но также большинство из них не принимало капиталистическое мышление.

Необходимо подчеркнуть, что капитализм использовал все формы мышления точно так, как извлекал выгоду от спекуляции товаром и деньгами. Взвесив все формы мышления, капитализм подготовил те из них, которые соответствовали его интересам в виде новых форм философских или религиозных школ и вновь вывел их на рынок под маркой либерализма и позитивизма. Ему удалось продемонстрировать мастерство или даже хитрость, позволившие продать как кусок новой ткани те формы мышления, которые были подходящими для него.

Мышление капитализма может быть охарактеризовано с различных позиций. Но в первую очередь оно должно быть охарактеризовано как эклектичный, конформистский позитивизм и либерализм с высоким риском обмана; с одной стороны, это мышление догматичнее многих самых грубых догм, с другой стороны, неразумнее многих самых абстрактных

философий; оно стало обманом и самым ужасным идолопоклонничеством. Если при помощи позитивизма наука была выхолощена и противопоставлена миру верований и нравственности, то при помощи либерализма индивидуализм, преследующий общество, был возведен до уровня национально-государственного божества, подстрекающего к свершению любого поступка, вплоть до геноцида. Ни одно религиозное мышление не породило столько войн, насилия и пыток, сколько капиталистическое мышление. Ни одно общество не сделало личность таким безответственным, падким на прибыль, жестоким ксенофобом, ассимилятором, диктатором, каким ее сделало мышление индивида в обществе победившего капитализма.

Капитализм как монополярная система, построенная на базе товара и денег, возводя современное финансовое мышление, затолкал человеческое общество в такие шаблоны мышления, до которых не могли додуматься никакие нимроды и фараоны, доведя людей до состояния протрации перед самыми низкими идолами, и в такой ситуации можно говорить об интеллектуальном банкротстве и разложении.

Очень большое значение имеет более тщательное наблюдение за содержанием капиталистического мировоззрения.

Прежде всего, должен подчеркнуть, что односторонние характеристики капитализма являются одним из результатов работы мысли под тяжелым прессом системы. Даже у марксистов и анархистов, считающих себя самыми рьяными антикапиталистами и творцами научной социологии, можно видеть такого рода толкования.

То, что Маркс посчитал личную теорию экономического базиса источником разъяснения всех правовых, политических и идеологических форм, вероятно, и стало одной из главнейших причин того, что социализм, во имя которого была развернута грандиозная борьба, так и не победил. Следует хорошо усвоить то, что никакое человеческое общество не сможет построить и систематизировать материальную сторону жизни (экономическую жизнь) без длительного познания и испытания формы мышления. Анализ системы, не проливающий свет на развитие мышления, в результате обернется служением гегемонии этих систем. Даже формирование такого анализа на полярно противоположной базе не изменит сути. Прежде всего господствующие системы, берут под свою гарантию существование этих властей путем структуризации мышления и политики. Материальная сторона жизни может быть организована именно в этих рамках. Идея Маркса «исправить диалектику Гегеля» оказалась не исправлением, как это принято считать, а ужасающей ошибкой. Теперь уже ясно, что идеализм Г. Гегеля, являющийся вершиной метафизического мышления, стал одним из основных указателей на пути к немецкой национально-государственной идеи. До Гегеля были М. Лютер (родоначальник протестантской идеологии) и Э. Кант (уделявший внимание субъективизму, частично нравственности, в противовес жесткому объективизму). По существу, как бы парадоксально это ни показалось, Карл Маркс продолжил эту линию под названием пролетарской, антикапиталистической системы. Вывод: немецкая идеология (мысль) завершилась фашизмом и лидерами типа Гитлера.

Лучше всех эту опасность в проблеме мышления осознал немецкий философ Ницше. Сила мышления в стиле Ницше является полной противоположностью современному

капитализму. Большим недостатком стало то, что, резвившись, это учение не превратилось в политическую философию и практику. Запоздалые усилия французских философов Ж.Делеза, Ф.Гваттари, М. Фуко и др., а также итальянца А. Грамши, оказались очень слабыми и не влились в политическую структуризацию. То, что было достигнуто реальным социализмом — это стапятидесятилетняя история объективного преступного соучастия современного капитализма под маской левой идеологии. Поразительными примерами подтверждения этого являются Советский Союз и Китай. Надеюсь, в соответствующих главах я содержательно раскрою этот вопрос.

Критика капитализма анархистами, в частности, первыми классиками П.Прудоном, М.Бакуниным и П.Кропоткиным, в ряде позиций имеет более разъяснительный характер. Они лучше видели идеологические и политические масштабы. Однако то, что им не удалось добиться правильной структуризации идеологии и философии, а также совершенная оторванность от таких тем, как мораль и история, в итоге превратила их самих в некий идеологический товар на службе капитализма. Должен вновь подчеркнуть следующее: до тех пор, пока мыслительная деятельность не сольется в единое целое с эффективной политикой, нравственностью, историей и практикой, не избежать участи быть использованными противником, который или совсем уничтожит, или, ассимилировав, полностью нейтрализует все усилия. Как жаль, что антикапиталистическое мышление, как это видно на исторических примерах (в первую очередь, христианство, буддизм, зороастризм, манизм), разделило эту же тяжкую участь! Должен сразу же заявить, что я не утверждаю о том, что эти учения оказались впустую, не смогли избежать роковой участи. Если бы это было так, не было бы, впрочем, этих строк и не уделялось бы столько смысла нравственности свободы. Я всего лишь излагаю свои критические взгляды.

Если сегодня у кого-то есть стремление построить успешную альтернативную систему в противовес последней стадии эволюции, коей является капитализм (в охарактеризованной форме), и его историческому фундаменту, то необходимо активно развернуть плодотворную взаимосвязанную деятельность. Таковая может осуществляться в сфере философии политики, политической структуризации и практической деятельности в материальной составляющей жизни, причем делать это надо строго в том направлении, на которое указывает сила нашего мышления.

Место политической и военной мощи в гегемонии капиталистической системы, безусловно, заметно, но основная характеризующая все же состоит в том, что эти явления полностью охвачены, буквально парализованы процессом превращения культуры в индустрию. Можно сказать, что сознание сообществ, находящихся под влиянием системы, приведено в состояние более отсталое, нежели сознание человекообразных обезьян, и полностью поддающееся любым манипуляциям. Система взаимоотношений, сформировавшаяся в зоопарках, в сущности, является поразительным примером построения всего общества по образцу зверинца. Подобно тому, как животные в зоопарках являются объектами зрелищ (показательными элементами), так и общество превращено в некий объект показа, и этот факт подтверждается и высказывается многими философами. Широкая рекламная кампания, развернутая в СМИ тремя активными индустриями «С», коими являются секс, спорт и синтез искусства-культуры, где две последние тесно переплетаются между собой,

полностью нейтрализовала чувственное и аналитическое мышление общества путем их регулярной массированной бомбардировки, что последовательно оборачивается ликвидацией сознания социума, давно уже ставшего объектом зрелищ и утех.

Такое общество не просто капитулирует, а гораздо хуже — превращается в орудие управления и прихоти системы. В сущности, первый опыт показательного общества, предпринятый фашизмом, так и не изжил себя. Главари были ликвидированы, но система со своей национально-государственной машиной и трансконтинентальными компаниями в период «холодной войны» и после нее была возведена в главную роль. В плане разрушения устоев общества упоминаемый период во много раз превосходил времена многих империй, в первую очередь, Шумера, Египта, Индии, Китая и Римской империи. Несмотря на то, что имперская стадия капитализма, став вершиной его гегемонии (то есть предшествующих колониальных и империалистических стадий), однозначно проявляет объективные признаки хаоса и разложения, система стремится во что бы то ни стало нивелировать эту ситуацию, играя с обществом, иными словами, провоцируя разложение мысли общества изнутри, и это надо осознавать особенно четко.

В данном случае определяющим фактором является то, что половой фактор (секс), как уже сказано, возведен в ранг индустрии. Люди доведены до такого состояния, когда свой успех они видят и ищут в сексе. Но ведь для всех живых существ гендерный фактор играет поучительную роль в осознании жизни и стремлении к бессмертию. Только таким образом можно охарактеризовать значение полового фактора для всех живых существ, от одноклеточных видов до человека. Стало быть, он осмыслен и даже священен. Человеческие общества тоже на протяжении всей истории брали за основу именно такой стиль толкования. Все антропологические исследования подтверждают этот комментарий. Если и есть какие-либо отношения, которые не должны быть превращены в обменный товар (индустрию), то важнейшими из них просто обязаны стать половые, потому что они имеют отношение к священному, возвышенному и постоянному характеру жизни. Эти отношения не должны искажаться и угрожать другим формам жизни — в этом их ответственность.

Эксплуатация одного пола другим, можно сказать, является одним из основных орудий гегемонии системы. Не только сделав половой фактор обменным товаром, превратили в гигантскую индустрию; индийский фаллический символ божественности не только деградировал в обществе, но и превращен в господствующую сексуальную религию мужчины, который в сорок крат ниже этого культа. В частности, этот новый религиозный показатель, присутствующий в каждом мужчине, был поставлен во главу угла всех искусств, в первую очередь, литературы, и фактически превращен в некое средство одурманивания умов. Химические наркотики словно превращаются в «нолик слева» в сравнении с этой новой сексуальной религией. Мощная рекламная кампания в медиа органах (речь идет не о простой рекламе) превращает всех членов общества в половых извращенцев. И молодые, и пожилые, и даже дети, все, без разницы, становятся жертвами этого явления, все поставлены на службу этой машине. Женщина превращена в наиболее развитый сексуальный объект. Она обречена на такое мировоззрение, что считает себя неспособной заработать копейку, если каждая клетка ее плоти не будет вызывать сексуального влечения. Священный семейный очаг превращен в некий сексуальный кружок. От священного культа матери и богини остался никому не нужный, забитый и заброшенный в

угол типаж «мужеподобной бабы». Крайне тяжелая ситуация, причиняющая ужасную боль... Статус женщины, как инструмента сексуального, был доведен до крайней точки вследствие появления искусственного оплодотворения.

В рамках потребностей системы противоположная позиция также доведена до невероятных масштабов. Многодетность, в основе которой лежит традиция патриархального общества, в первую очередь, желание мужчин, вследствие запуска врачебных техник снизила роль женщин из низших слоев общества до уровня машин для рождения детей. Таким образом, трудная задача воспитания детей фактически становится участью бедных слоев, что, с одной стороны, помогает удовлетворять потребности системы в молодой рабочей силе, с другой стороны, приводит к непреодолимой деградации семейных ценностей. Тем самым одним выстрелом убивают нескольких зайцев. Семейные пары из высших слоев теперь уже рожают детей путем искусственного оплодотворения, или, не желая рожать своих детей, демонстративно усыновляют или удочеряют их, или вовсе предпочитают тратить большие деньги на домашних животных-любимчиков, а не рожать и воспитывать детей. Таким образом деградирует ценность ребенка, а женщины из высшего общества томно закатывают глаза, пытаясь оставаться вечно красивыми и способствуя ритуализации новой сексуальной религии. Итог: бессмысленный рост населения, безработица, не имеющая никаких исторических прецедентов, и экологический кризис, который не в состоянии выдержать груз жизнедеятельности человека. Должен сообщить, что ответы на эти вопросы и методы борьбы с этой проблемой я планирую раскрыть в «Социологии Свободы».

Индустриализация культуры, иными словами, широко распространенное производство культурного товара, стала вторым эффективным орудием порабощения. Культура в узком смысле слова отражает мир мышления, свойственный всем сообществам. Мысль, вкус и нравственность — вот три основные темы культуры. На протяжении столетий культурные элементы в рамках системы становятся предметами купли-продажи со стороны политических и экономических властей. С точки зрения легализации собственного положения для них незаменимым было привязывание к себе всех культурных элементов на протяжении истории. Элита экономики и власти, рано осознав это обстоятельство, не преминула принять соответствующие меры. Ассимиляция культуры в горнилах власти происходила вплоть до формирования иерархий, и это являлось основным орудием управления. Без культурной гегемонии нельзя было бы управлять экономическими и политическими монополиями. Системы, основанные на силе и эксплуатации, при их помощи могут сохранять свои позиции только благодаря кратковременным набегам и опустошению, но, когда не останется объектов для набегов, будут вынуждены или вступать в конфликт друг с другом, или совсем уйти в небытие.

Роль культуры в капиталистической цивилизации имеет жизненный характер. Культура как совокупность мышления всех сфер общества сначала ассимилируется (приспосабливается к экономической и политической власти) и затем превращается в индустрию для масштабной и жесткой экспансии во все общества мира (будь то нации, народы, национальные государства, гражданские общества и компании). Литература, наука, философия, различные области искусства, история, религия и право — все сферы жизни превращаются в объекты экспансии и товар. Такие средства, как книги, фильмы, газеты, телевидение, Интернет и радио, выполняют свои функции в качестве товарных составляющих этой индустрии. В

данном случае культурные товары не только способствуют грандиозному материальному обогащению, но и играют главную разрушительную роль посредством доведения интеллектуального плена до невиданных в истории масштабов, формирования классов, наций, родов и всевозможных общин, МАССЫ, потерявшей смысл жизни, по сути своей аморфной, бесформенной и обладающей обезьяньим аппетитом. В покорности собственной участи все эти сообщества ушли дальше безмолвных волков. Главными архитекторами этого явления становятся национальные государства, трансконтинентальные компании и монополии СМИ. В обществе их не интересует ничто, кроме добывания денег и их потребления. Даже доведенные до нищеты слои общества пришли в такое состояние, что представляют себе никакой цели, кроме как завтра заработать чуть больше, чем сегодня, и зажить лучшей жизнью.

Обратим внимание на факт использования принципа доведения до нищеты как культурного явления. Даже столь нелюбимое нами Средневековье смогло осознать, что доведение до нищеты становится причиной волнений масс, и свидетельством культурной победы этой системы является то, что она установила систему оплаты труда в рамках культурной гегемонии.

Ужасающей стороной господства совокупности культурной и сексуальной индустрий является то, что это господство и даже заточение всего сущего в рамки воспринимается добровольно, даже называется «взрывом свободы». Ясно, что именно это является сильнейшей опорой, орудием узаконения системы правления. Имперская стадия капитализма возможна только при индустрии культуры. Таким образом, борьба против культурной гегемонии требует самой глубокой борьбы интеллектов. Войну с культурной экспансией, которую система осуществляет своими завоеваниями, ассимиляцией и индустриализацией, необходимо развить и организовать как формально, так и в плане содержания, иначе никакая борьба за свободу, равенство и демократию не будет иметь шансов на успех. Такого рода проблемы я также постараюсь рассмотреть в «Социологии Свободы».

Спорт во всех обществах изначально играл роль подготовки для участия в чем-либо. Спортивные игры предназначены для успешного участия в жизнь. Они прививают навыки к социуму. В частности, первые признаки индустриализации спорта видны со времен разложения Римской империи — таков смысл института гладиаторов.

Капитализм с самого начала объединил спорт с техникой власти (профессионализация спорта) и, уничтожив его любительскую суть, поставил на рельсы индустрии. Он стал еще одной сферой приспособления в рамках превращения в обменный товар. Вместо того, чтобы поставить во главу угла принцип участия в жизнедеятельности общества на почве высоких моральных ценностей и физической выносливости, спорт был превращен в средство заработка, а для этого потребовалось стимулирование соперничества и превращение общества в пассивного созерцателя. Культ арены (на глазах у публики человека отдавали на растерзание львам или преступные гладиаторские бои) распространился на все виды спортивных состязаний. Стремление к рекордам и жажда аплодисментов — вот два главенствующих символа. Иметь команду стало гораздо важнее, нежели иметь веру или философию. Понятие поддержки спортивной команды обрело характер болезни. Спорт был

превращен в эффективное средство управления в руках правящего класса. К примеру, какая религия или философия могут иметь такое значение для правящих классов, как футбол?

Даже не даваясь в детали, можно сказать, что превращение трех «С» в индустрию привело их на вершину искусства управления. Без превращения трех «С» в индустрию невозможны ни управление мировым капиталом, ни национально-государственная власть. Должен еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся поливать грязью половой фактор, культуру и спорт как явления жизни. Критике подвергается то, что эти социальные явления и наиболее жизненные сферы действия принципа постоянства доведены до деградации и превращены в индустрию.

Другим важным средством влияния на мировоззрение является культ виртуального мира, реализуемый в рамках гегемонии мышления капитализма в основном медиа-органами. Виртуализация жизни означает восхождение аналитического мышления до самых крайних пределов. Если даже такое ужасное явление, как война, преподносится в виртуальной форме, то разрушение нравственности становится обыденным делом. Жизнь, которую человек не испытал на себе физически и не осмыслил при помощи интеллекта, всегда называлась фальшью. Даже если теперь такая жизнь уже называется виртуальной, она все равно не перестает быть фальшивой. Мы вовсе не собираемся обвинять технический прогресс как таковой за то, что он сделал возможным виртуальное отображение жизни. Мы оцениваем те аспекты технического прогресса, которые в очередной раз сделали возможной эксплуатацию, парализовав тем самым сознание индивида. Технология без осмысления представляет собой самое страшное оружие. Господство капитализма над техникой и потребность в управлении миллиардами людей становятся основными факторами, требующим виртуализации жизни. Жизнь уже перестает идти естественным ходом, она окапывается в процессе постоянной виртуализации. Она как будто умирает стоя. Симуляция становится конкретным воплощением жизни. Но симулирование любого явления, взаимоотношений, произведений не может способствовать обогащению человека знаниями. Это процесс оглупления личности. Подражание всем плодам цивилизации не в состоянии стать залогом прогресса, оно всего лишь реализует гегемонию культуры подражания. Смысл дифференциации, лежащий в основе жизни, ни в коем случае не может опираться на повторении. Даже история не повторяется, ибо подражание является антагонизмом прогресса, а виртуальная жизнь, как известно, основана на безграничных повторах. Все обезличивается, подражая друг другу. Таким способом общество превращается в отару овец. Без виртуальной жизни нет эпохи финансов. Это происходит только в результате безграничного отупения, а это возможно только путем культивирования мнимой, виртуальной жизни.

Основной обязанностью идеологии свободной жизни является противостояние этому процессу. Реальное представление свободной жизни и ее организация — это важнейшее из того, что необходимо сделать для того, чтобы сохранить общество. Именно в этой плоскости лежат вопросы, на которые больше всего должна дать ответ социология свободы. Этот успех системы можно было бы прокомментировать с нескольких позиций.

Первое — это ослабление функциональных связей общества с нравственностью и религией, принижение их роли и места, доведение до зависимого положения вследствие главенства

светского права. Религия и нравственность теперь уже допустимы в тех рамках, в которых они могут служить системе. Право и светский характер жизни, по сути своей, становятся средствами перехода контроля над обществом к капиталистической власти. Включив и аристократические прослойки, и крепостных старого общества в рамки накопления капитала и превращения их в рабочую силу, а также создания своеобразного резерва, система при помощи правовых и светских средств, ставших ее орудием, фактически ликвидирует эти прослойки. Но она не стремится к их полной ликвидации. Поскольку прослойки старого общества были достаточно эффективными средствами в руках цивилизации, они нужны новой системе как последнее слово цивилизации. Но при этом важнейшим условием было то, чтобы они не участвовали в экономической и политической власти, не чинили препятствий системе. Реформы в религии и модель правового государства в результате выполнения этих функций становятся основными показателями современного капитализма. Они уже играют свои истинные роли двух основных средств перехода к капиталистической экономике и обществу. Вместе с тем они становятся орудием решения проблем, имеющих в сознании системы.

Второе — это «научный метод». Разделение на «объект-субъект» стало едва ли не ключом к гегемонии разума. Принцип объективности, ставший, на первый взгляд, незаменимой составляющей научного метода, по сути, является предварительным этапом подготовки господства субъективизма. Для того, чтобы управлять, надо быть субъектом. Естественно, те, кем управляют, исполняют роль объектов. Быть объектом означает превратиться в вещь, которой управляют. Стало быть, вещь, естественно, объект и является методическим выражением превращения в простаков, которыми субъекты управляют по своему усмотрению. Вместе с тем, этот процесс превращается в кредо науки. Субъектно-объектное разделение своими корнями уходит вглубь до философии Платона. Дилемма знаменитого мира идей Платона и простых отражений является основой всех схожих разделений. Мифическую основу этого в захватывающей форме демонстрируют Шумер и Древний Египет. Настоящими корнями данного явления стали обожествленное возвышение и возвеличивание высших иерархических слоев на фоне порабощения низших слоев. Отражение дилеммы «создатель и тот, кого создали», «правитель и гот, кем управляют», в сознании общества происходило в форме таких дилемм, как «бог-раб», «слово-вещь», «прекрасные идеи — примитивные идеи», и, разившись, превратилось в дилемму «субъект-объект». В этой же форме происходило разделение на дух и тело. Политический смысл этого разделения заключается в отрицании демократии и подготовки почвы для олигархических и монархических режимов.

Следует четко осознать то, что капитализм и аналитическое мышление сплетаются в самые коварные заговорщические узлы. Захватывающим выражением этого процесса стала биржа, являющаяся той самой сферой, где спекулятивное мышление приносит потрясающую прибыль. Спекуляция и инсинуационное мышление в рамках системы выглядят, как братья-близнецы. Аналогичная ситуация происходит в политической и военной сферах.

Войны строятся на лукавстве и коварстве — это и оказывается венцом охотничьего культа. В биржевой, политической и военной сферах инсинуационное мышление, как никогда прежде, играет роль средства манипуляций и заговоров. Ни на йоту не уступает место таким понятиям, как совесть и чувства. В один и тот же миг йодной сфере можно творить ужас при

помощи ядерных и прочих кошмарных бомбардировок, но в это же время в другой сфере, не проливая ни капли пота, можно извлечь миллиардные прибыли.

Можно сказать, что капиталистическое мировоззрение полностью обнажается именно в биржевой, политической и военной сферах. Нет никаких человеческих ценностей и чувств, которые не ущемлялись бы капитализмом во имя извлечения прибыли.

Но ведь «альфой и омегой» жизни является именно чувственное мышление. По мере отрыва от этого типа мышления приводит к постепенной утере смысла жизни. Экологические бедствия свидетельствуют о том, что опасность, нависшая над жизнью, становится своего рода предвестником Апокалипсиса. Виной тому превращение искаженного инсинуационного мышления при помощи языка, власти, города, государства, науки и искусства в самого настоящего вселенского монстра Левиафана (вселенская империя мирового капитала). Только глубокое развитие чувственного мышления помогут остановить это чудовище. Для того, чтобы обезвредить этого монстра, надо нейтрализовать его воздействие на свободную жизнь. Надо нейтрализовать его пока он не уничтожил планету. Надо превратить нашу планету в такую красоту, без которой нельзя будет жить, иначе она окажется таким ужасом, в котором жизнь будет просто невозможна. Основной функцией социологии свободы станет достижение теоретического взгляда на эту жизненную практику и ее правильная реализация.

1.2. ЭКОНОМИЗМ

В эту группу входят те, кто считает, что рождение капитализма является естественным результатом экономического развития. В частности, марксизм с этой точки зрения принижен до экономизма. Так что, капитализм всегда воспринимался как экономическая модель. Политическая экономия чуть ли не поставлена во главе всех социальных наук. Под этим названием было объединены в дисциплину некоторые решения, касающиеся экономической жизни.

Реализация капитала, то есть вложений, приносящих прибыль, на базе существующей на рынке эксплуатации цен сыграла серьезную роль в развитии этого взгляда. Определена такая тенденция, в рамках которой считается, что возможно капиталистическое развитие в отрыве от истории, общества, власти, в целом от процесса цивилизации. Парадоксально, ноте, кто громче всех называет себя противником капитализма, возведя капитализм на не заслуженные им позиции, на словах оказываются борцами с той системой.

Можно понять политэкономистов английского происхождения. Поскольку это страна, где капитализм достиг своего апогея, можно ожидать, что они смогут смоделировать новую экономику. То, что К. Маркс акцентировал свое внимание на этой модели, с критических позиций английских политэкономистов очень важно и предельно объяснимо. Беда заключается в том, что произведение Маркса осталось незавершенным, а его последователи — марксисты — полностью превратили в карикатуру. Отсутствие систематического анализа отношения капитализма к власти и государству можно считать самым серьезным недостатком его учения. Он старался определить роль идеологии. Местами сильны его подходы, связанные с анализом мышления капитализма.

Однако его основная ошибка заключалась в том, что он опирался на взгляды позитивизма, являвшегося официальной идеологией эпохи Просвещения и давно уже оставившего свое клеймо в интеллектуальном мире. Маркс верил в то, что социология может добиться не меньше физики, у него не было никаких со мнений по поводу этого. Именно этот подход привел к тому, что его очень ценный груд «Капитал» остался половинчатым, а по сути своей был истолкован не столько как исследование, а как некий религиозный постулат. Известно, на какие дела способны последователи духовного учителя. Так, толкования Лениным империализма, монополистического капитализма и государства-революции не смогли превзойти уровня философии эпохи Просвещения. Более того, несмотря на некоторые взгляды на уровне серьезного вклада, отсутствие потенциала, способного превзойти капиталистический модернизм, стало основным фактором неудачного опыта Советского Союза.

В толкованиях капитализма, данных анархистами, также преобладает экономический акцент. Но они остались в рамках убеждений о том, что если капитализм как система исчезнет, если будет осужден экономически. Но это мировоззрение, изуродованное

позитивизмом. Вот что они утверждают: есть законы науки, и поскольку экономика тоже наука, стало быть, и у нее есть свои законы. Так вот, согласно этим законам, капитализм обречен на гибель, поскольку он порождает кризисы. В первую очередь надо ускорить действие этих законов. Вывод: капитализм падет и на его месте будет построен коммунизм! Ясно, что в основе этих взглядов лежит неверное восприятие общественных реалий. Для общества характерна систематика, даже хаос, которые действуют далеко за пределами идеологии эпохи Просвещения. Все интеллектуально-структурные образования общества не только сильно отличаются от науки, признанной позитивной, но и в большинстве своем характеризуются хаотическим характером практического состояния, поэтому они требуют разнообразных подходов к решению и практической реализации собственного потенциала.

В свете этих критических замечаний мы можем пролить свет на связь экономики с капиталом, то есть внутри самой системы капитала. Несмотря на то, что первое утверждение может показаться парадоксальным, но, тем не менее, капитализм нельзя считать экономикой. Действительно, рассмотрение капитализма как политического режима приблизит нас к осознанию прибыли, лежащей в его основе. Здесь очень важно не опуститься до простой конкретизации власти и государства. То есть не стоит перескакивать от экономизма к рассуждениям о власти. Если бы социолог Макс Вебер вместо своего труда под названием «Протестантская этика и дух капитализма» просто истолковал капитализм как секту, то его шансы на полное раскрытие темы заметно возросли бы. Fernand Braudel пытался объяснить зарождение капитализма установлением монополии на цены, образующиеся на рынке. При том что все упомянутые позиции, включая Маркса, имеют серьезное значение, их основным недостатком является то, что экономическое обоснование в них ставится во главу угла, как нечто обязательное.

По моему мнению, капитализм — это зародившаяся в Западной Европе, начиная с 16-го века, господствующая общественная формация, в основе которой лежит старая военно-политическая и культурная традиция, вовлекшая в организационную форму хитрую аннексию всех общественных ценностей, в первую очередь, материальные накопления. Рождение капитализма мы также можем назвать современным звеном древней аннексионистской традиции, которая ознаменовалась захватом общественных ценностей, сформировавшихся вокруг матери-женщины, группой мародеров, сколотившейся вокруг сильного мужчины. Рождение капитализма — это акция социальных групп с развитым спекулятивным мышлением, которые в Англии и Голландии, а еще раньше в таких развитых городах-государствах Италии, как Генуя, Флоренция и Венеция, в виде первых капиталистических групп осуществляли свою тесно сплетенную с государством деятельность чуть ли не в форме сект, и при помощи введенных ими новшеств продемонстрировав мастерство сколачивания денег, захватывали гигантские материальные ценности, легко играя ценами, образующимися на рынках, развернувшихся во всех точках мира, и, при необходимости, могли легко применить силу. Некоторые могут назвать их местной династией, аристократией и буржуазией. Единственным и важнейшим различием первых капиталистов от первобытных и средневековых разбойников, является то, что они базировались в городах, жили в тесном сотрудничестве с государственной властью, а при необходимости применения силы делали это в завуалированной форме, как бы оставаясь на втором плане. На первый взгляд, у экономики есть свои правила. Упомянутые группы тоже извлекали прибыль в соответствии с этими правилами, используя свой интеллект и первый

стартовый капитал. Исследование капитана на протяжении всей его истории покажет, что данный подход чем-то сродни сказке.

В колониальных войнах, развернутых на базе первых накоплений, никаких экономических правил не было. Колонии, которыми управляли Португалия, Испания, Голландия, Франция, а до них еще Венеция и Генуя, обеспечивали первое накопление капитала, непосредственно и полностью основанного на применении силы. Эта истина с легкостью подтверждается на примере рынков близлежащих стран и колониальных территорий. После первых «сорока разбойников» в дальнейшем возникли прослойки господ. Появились первые феодалы. Называя современных «сорок разбойников» господами-буржуа, будет данью моде, не более того. Дисциплины, называемые экономическими науками, продолжают свою главную функцию, которая заключается в маскировке сути дела. Какая теория сможет сделать хорошую презентацию в этих вопросах, та и будет премирована, и поставлена во главу угла. Ни одна наука так вольно не играет с действительностью, так не переворачивает истину с ног на голову, как это делает экономическая наука. Наибольшее заблуждение, основанное на инсинуациях, мы видим на примере капиталистической политэкономии. Капиталистический модернизм стал единственной системой, сумевшей занять люксовые позиции, благодаря науке, скорее напоминающей ремесло фальшивомонетчика.

Фундаментальной проблемой всего живого является добыча объектов экономики или материальной жизни. Экономика является тем самым материалом, на базе которого реализуется процесс эволюции. Система живых существ продолжает свою жизнедеятельность путем метаболического переваривания элементов питания, полученных извне и соответствующих собственной системе пищеварения. Общее, правило эволюции, заключающееся в том, что постоянный характер жизнедеятельности обеспечивается путем дифференциации. Для того, чтобы предотвратить чрезмерное увеличение численности одного вида и препятствовать нашествию, тем самым, уничтожение других видов, эволюция поддерживает постоянный баланс в природе. Так, чрезмерный рост численности грызунов, наносящих колоссальный ущерб растительности, предотвращают змеи, те же самые функции в отношении стад баранов, коз и буйволов выполняют хищники, что и способствует поддержанию природного баланса и развитию видов. На вопрос, почему так происходит в рамках естественной эволюции, можно дать ответ только изучив их результаты. На мой взгляд, основная причина заключается в стремлении всего живого поддержать свою жизнедеятельность путем развития. Как это можно назвать, дикостью природы, или ее справедливостью? Это — тема отдельной дискуссии. Это все есть продукт глубокого мышления, или связано с примитивностью? Стоит ли включать это в рамки метафизики, или нет? На мой взгляд, это важные проблемы, относящиеся к бытию, к которому следует подойти с позиций аналитического мышления. Этот аспект можно связать также с существованием общества.

Самой важным ответом, на эти проблемы, может быть то, что эволюция постоянно отслеживает процесс совершенствования. Поиск совершенного и прекрасного во вселенной и в потоке времени становится как бы мечтой. В противном случае как можно будет объяснить развитие эволюции до современного типа человека, более того, развитие самого человека в условиях узкого общества? Если бы мир делился на львов и буйволов, то жизнь не развилась бы дальше примитивных водорослей. Величественная эволюция, сформировав

человека, способствовала переходу на уровень таких категорий, как совесть и мораль. В чем смысл? В милосердии и справедливости! Суть этого принципа выражена следующим образом: «Если бы было единомыслие во всем, то ягненок и волк жили бы бок о бок». В этом кроется вселенский признак. Возможно ли братство волка и ягненка? Практика человека доказала возможность этого. Иными словами, незаменимым условием человечности должно стать размышление о том, что «человек человеку не волк» (в противовес ужасающего принципа капитализма). Что касается сути вопроса, то когда-то у ягненка и волка был один общий предок. Различия появились позже. Отчего бы им не начать повторный путь, теперь уже, по меньшей мере, к братству? Как минимум, теоретически это возможно, и существует много примеров тому.

Вот для чего я говорю об этих обстоятельствах: ясно, что количество случаев зарождения капитализма, которые мы можем наблюдать в истории эволюции, крайне ограниченные, можно сказать, дикие примеры этого явления не могут служить поводом для оправдания этой формации. Вот еще один, более выразительный ответ: если не брать во внимание тот факт, что эволюция способствовала развитию первых примитивных водорослей до уровня растений, растущих на суше, далее до величественных деревьев, а также эволюционный путь до формирования миллионов травоядных (не поедающих друг друга) животных, то неужели применительно к жизни человека стоит рассматривать те примеры, которые можно было бы истолковать как раковые опухоли на теле эволюции? Исходя из того, что в естественно-эволюционном процессе нет места теории зарождения капитализма, я должен подчеркнуть эти обстоятельства в качестве преамбулы. Сюда входит еще и обратный принцип, заключающийся в постоянном увеличении армии безработных и неизменно низком уровне заработной платы.

С биологической точки зрения подтверждается то, что человек, осуществляя свою жизнедеятельность на социальной основе, несет в себе отпечатки всех вселенских процессов, что расширяет его практические возможности. Если толковать науку, не связывая ее с религией позитивизма, то четко осознаем, что это и есть прекрасное определение. Я говорил, что в части, касающейся Социологии Свободы, постараюсь изложить свои взгляды и на эту особенность человека, и на его нравственный выбор, и на его способность к суждению (возможность свободного выбора); я также вкратце остановлюсь на РИТМИЧНОМ РАЗВИТИИ социального прогресса, которое не противоречит естественной эволюции, и постараюсь остановиться на вопросе о том, почему цивилизованную жизнь, основанную на чрезмерной урбанизации, а также на государственных и авторитарных очагах, растущих подобно опухоли вместе с урбанизацией, иерархической структуризацией и классовым расслоением, следует рассматривать или в плоскости «разъяренного льва», или, напротив, в плоскости «забитого вола».

Прежде всего, я вновь должен подчеркнуть, что в эволюционном процессе можно найти корни такого рода процессов, а в эволюции человека, как вида, эти явления можно считать своего рода болезнью, искажением и атавизмом (например, каннибализм). Более того, необходимо предельно ясно осознать то, что естественный ритм эволюции не таков. Очень важно понять то, что социальная система, обладая характерными чертами атавизма, ни в рамках цивилизации в целом, а в частности, на ее капиталистической стадии не может сформировать вторую природу, и это надо не просто отчетливо выявлять (пусть это будет

сдачей, стоящей перед академиками), но воспринимать как фундаментальный жизненный принцип. В противном случае все свои рассуждения мы изначально обрекаем на ущербность.

Рассуждая о рождении капитализма, Фернан Бродель обнаруживает очень широкие возможности наблюдения и сравнения. Так, исследуя историю, общество, власть, цивилизацию и культуру в рамках категории места, он вносит ясность и в проблемы метода. Он проявляет крайнюю осторожность в отношении позитивистских подходов. К. Маркс, находясь под глубоким влиянием Просвещения, берет за основу позитивистскую науку крайне амбициозен в своих взглядах на экономику как на науку, здесь надо принять во внимание и долю социологии, находившейся на стадии роста. Научная категоричность и линейная прогрессивность давно уже внедрились в сознание на уровне кредо. Романтизм, пытаясь разрушить эту линию, напротив, впадая в волюнтаристские крайности, усугубляет все проблемы мыслительного характера. Тяжело добавить что-либо новое в позиции Ницше, для которого характерны релятивизм, цикличность и чувственность мышления. Именно в этой обстановке духовного смятения либерализм обретает силу. Если при помощи позитивизма капитализм способствует философскому уклону, точнее, привносит религиозный оттенок, в точные науки (в том числе химия, математика, биология), то при помощи либерализма он делает то же самое с социальной действительностью. Одержав на этой базе победу в идеологической борьбе, с наступлением 19-го столетия добивается глобализации системы. Что касается экономической победы, то она была достигнута гораздо раньше. Попробуем углубиться на этих критических замечаниях и толкованиях.

Общества в рамках своего интеллектуального развития всегда находятся в поиске объектов своих материальных потребностей и развивают их; так, предметом их постоянных раздумий постоянно является вопрос пищи, крова над головой, размножения и собственной безопасности. Раньше люди могли довольствоваться тем, что удалось найти, жили в пещерах, лучше защищали свою жизнедеятельность на берегах озер или на окраине леса, признавали превосходство матери, дающей начало новой жизни, и все это происходило в силу указанной основной потребности. Со временем на исторической арене появляется охота. Развитию этой культуры способствует стремление к сохранению собственной жизни и потребность в мясе. Но с самых ранних этапов формирования общества можно наблюдать все возрастающую напряженность взаимоотношений между женщиной, занимающейся собирательством, и мужчиной, который преимущественно был охотником, и именно это привело к поляризации общества на базе двух различных культурных эволюций. На обоих полюсах общества происходит одностороннее развитие, и если с одной стороны происходит формирование образа мужчины-льва, то с другой стороны формируется образ безмолвной и трудолюбивой женщины-буйволицы. Именно таким образом формируются основы двух различных экономических мировоззрений. В эпоху неолита женская культура достигает своего апогея. После последнего ледникового периода, то есть, начиная с 15 тысячелетия до н. э., в частности, очень богатый растительный покров и животный мир в горной системе Тавра и Загроса (в предгорьях) способствовал формированию эйфории райской жизни. Являясь основным потоком развития общества, дошедшим до наших дней, этот период, пережив в дальнейшем период дифференциации в рамках письменной истории и цивилизации, фактически оставил свой серьезный след на всем процессе глобализации. Процессы, происходящие и по сей день в рамках различных языковых групп, являются

продуктами того периода.

Единственным значительным фактором, о котором можно говорить в связи с капитализмом на протяжении этой длительной истории человечества, это то, что охотничья культура со временем способствовала превращению мужчины в гегемона общества. Насколько можно утверждать, неолитическая культура, получившая и 10 тысячелетии до н. э. постоянный характер, имела преимущественно женское содержание. Переход из пещер в примитивные сооружения наполовину-шатрового типа (вблизи пещер), имевший место в эпоху собирательства, появление навыков, связанных с посевом растительных семян, сбором и хранением урожая, в дальнейшем способствует сельской и земледельческой революции. Современные археологические исследования и раскопки свидетельствуют о том, что указанная культура развивалась и Верхней Месопотамии, в частности, во внутренних подножьях горной системы Тавра и Загроса (Брадостиан, Гарзан, Аманос и внутренние предгорья Среднего Тавра, культуры Невали Чори, Чайону, Чаме Халлан). Пусть и в ограниченной степени, но уже происходило накопление излишков продукта.

Возможно, впервые применительно к этому стилю накопления можно использовать слово экономика, даже если не в плане понятийной категории, а как характеристика ее сути. Как известно, слово «экономос» в переводе с греческого языка означает «закон семьи, дома». Экономика родилась вместе с рождением первых оседлых сельских семей, сплотившихся вокруг женщины, а также обретением человеком возможности хранения и складирования, пусть и в очень ограниченном количестве, продуктов питания, в первую очередь, тех, что могли определенное время не портиться. Но это не было накоплением, способным удовлетворить потребности купца и рынка, это всего лишь накопление для нужд семьи. Именно такая форма экономики, судя по всему, является самой человеческой и самой настоящей. Благодаря широко распространенной культуре дарения, накопление, как явление, не стало фактором угрозы устоям семьи. Принцип «Имущество порождает жажду обладания», по всей видимости, зародился именно в тот самый период. Культура дарения является значительной экономической формой. Она в высшей степени соответствует ритму развития человека.

Можно говорить, что именно в указанный период началось формирование культуры жертвоприношения. Совершенно очевидным является го обстоятельство, что сама по себе система божеств сформировалась как результат уважения общества, заимевшего излишки продукта, к высшим силам и как результат первого выражения этого уважения. Рост производительности повлек необходимость восхваления тех сил, которые, согласно мировоззрению человека той эпохи, сделали возможным этот рост. Поскольку источник этого мировоззрения лежит в недрах эволюции стиля жизнедеятельности общества, представление таких явлений, как самоидентификация и возвышенность результатами молитвы, поклонения и возрастающего развития духовного мира теснейшим образом связано с земледельческой революцией. Археологические находки довольно ярко подтверждают эти предположения. Более конкретно можно сказать, что эти факторами подтверждаются такие понятия, как мать-богиня и священная мать. Распространенность женских фигур является одним из важнейших обстоятельств, подтверждающих эту истину.

Но пугающая опасность возникнет позднее. Накопление излишков продукции, растущее, благодаря опыту и развитию со знания, но не потребляемое в форме дарения, воспринималось сидящим в засаде мужчиной-охотником как предмет торговли, так и формировалась культура торговли. Накопление излишков продукта в различных регионах способствует возникновению такого явления, как торговля. Свойство продуктов удовлетворять взаимные потребности сторон приводит к рождению торговли и купца, как профессионального, или второго серьезного разделения труда. Пусть и в загруженной рецессиями форме, но человек узаконивает это явление, потому что продукт, выставленный для торговли, фактически развивает разделение труда. Это, в свою очередь, способствует повышению производительности производства и самой жизни. Чем больше продуктов и качества с одной стороны, и полезных ископаемых с другой стороны, тем осмысленнее торговля.

История свидетельствует о распространении торговли, начиная с 4-го тысячелетия до н. э. В связи с развитием цивилизации вокруг города Урук, ставшего первым городом-государством в Нижней Месопотамии (4000-3000 г.г. до н. э.), наблюдается формирование крупной торговой колонии, растянувшейся от Элама, что на юго-западе Ирана, до окрестностей современных юродов Элязыг и Малатия, что в Верхней Месопотамии. Первые очаги колонизации появились именно таким образом. Ранее, в 5-4 тысячелетиях до н. э., в доурукский период, господствующей была колониальная культура Эль-Убейд (первая серьезная патриархальная культура догосударственной эпохи). Торговля и колонизация развивались в тесном переплетении. Керамика и ткацкие материалы обмениваются на ископаемое сырье и древесину. Вместе с купцами появляются рынки. Бывшие центры дарения и жертвоприношения постепенно превращаются в рынки. Первого торговца, достигшего уровня понимания преимущества примитивного ценообразования между продукцией, привозимой из различных регионов, можно назвать древним капиталистом. Ведь, имея возможность назначать цену за продукт, он обретал возможность невиданного на тот период накопления товара.

Должен сказать, что опять-таки процессу превращения ценностей в товар способствовало влияние обмена товаров и торговли. Еще не был совершен переход от «экономики дарения» до обменных ценностей. Основным для общества является потребительская ценность товаров. Потребительская ценность является их свойством удовлетворять определенные потребности. Для человека основным является именно эта ценность. Обменная ценность является спорным понятием, поэтому большое значение имеет ее правильная характеристика. На мой взгляд, рассмотрение труда, как основы обменной ценности, является очень спорным подходом, включая позиции Маркса. Какой бы разновидностью труда ни пытались ее объяснить, конкретным трудом, или абстрактным, обменная ценность всегда будет носить спекулятивный характер. Предположим, первый торговец из Урука, находясь в одной из торговых колоний на берегах Евфрата, решил обменять свои керамические изделия на различные камни и ископаемые соединения. Когда мы говорим о том, кто первым должен установить обменную ценность, то, во-первых, имеем в виду степень взаимных потребностей, во-вторых, инициативу купца. Чем выше уровень потребности, тем дороже купец может оценить свой товар. Вместе двух против одного он с легкостью может установить пропорцию четыре против одного. Не было никаких факторов, которые могли воздействовать друг на друга, кроме совести, точнее, силы купца. Где же в

таком случае роль труда?

Я вовсе не намерен полностью игнорировать фактор труда, я всего лишь утверждаю, что этот фактор не является основным и определяющим. Это обстоятельство можно проследить во всех случаях обмена товаров, имевших место в истории. Время от времени в процессе обмена товаров на почве свободной конкуренции мог осуществляться обмен труда и стоимости, близкий к уравниванию. Но это скорее теоретический обмен между трудом и стоимостью. В действительности, определяющей оказывается спекуляция. В некоторых случаях имеет место чрезмерное накопление товаров, и тогда этот товар обесценивается. Поскольку мы не можем сказать, что в случаях, когда требуется дополнительный труд для уничтожения обесценившегося товара, стоимость самого труда исчезает, становится ясно, что труд не является основным определяющим критерием. Опять-таки определяющей становится сила купца, имеющего возможность создавать и кризис и обилие. Дело в том, что одни товары создаются при помощи других. На протяжении всей истории, благодаря накоплению продукта усилиями тысяч безымянных трудящихся, осуществлялось производство товара. Хорошо, какой механизм может обеспечить выплату этим ушедшим в историю трудящимся то, чего они заслуживают? Если к ним прибавить еще созидающего ремесленника, даже необходимость социального влияния, то станет ясно, что невозможно представить себе цену, стало быть, оплату такого труда, который называется живым трудом?

Именно здесь выявляется ущербность или фальшивость английской политэкономии. Как известно, первая победа капитализма как системы имела место в островной Англии и Голландии. Непременным условием узаконения капитализма нужны теоретические мотивы. В частности, для того, чтобы завуалировать тот факт, что капитализм является спекулятивной прибылью, очень серьезное значение имеет приемлемая теория. Точно так же, как происходило в первых урукских торговых религиях, роль представителей новой версии мифического мировоззрения оказалась в руках тех, кто на словах называются учеными-политэкономистами, а на деле являются создателями новой религии капитализма.

Так что была создана не политэкономия, а новая религия. Причем, как и в любой религии, новая религия внедрялась при помощи священных книг и многочисленных разветвленных течений. Политэкономия является самым фальшивым и грабительским производением инсинуационного мышления, созданного для того, чтобы завуалировать спекулятивный характер капитализма (товарный сток с целью управления ценами, злоупотребление разницей между регионами), оставившего далеко позади себя даже грабительскую деятельность самых коварных сорока разбойников. Теория труда и стоимости в данном случае становится объектом охоты. Мне действительно интересно, каким образом ей дали предпочтение?! Уверен, что основной причиной стало отвлечение грудящихся. Даже К. Марксу не удалось уберечься от роли наживки в этой жесткой охоте. Мне действительно больно писать эти строки с критикой, но наше уважение к науке требует откровенного выявления всех наших сомнений.

Раскрывая эти обстоятельства, можем сказать следующее: второй крупный скачок в формировании класса торговцев ознаменовался на базе ассирийских колоний во 2-м тысячелетии до н. э. Можно сказать, что ни одна деспотия не смогла создать такую

цивилизацию, основываясь на торговле и торговых колониях, как это удалось сделать Ассирии (в последующих главах я остановлюсь на связи капитализма с властью). Ассирия была одной из первых, кто в мировом масштабе вел развитую торговлю и построил собственные колонии (2-е тысячелетие до н. э. — 7 век н. э.). В сравнении с ассирийскими торговцами на втором плане остались даже достигшие высокого уровня мастерства в своем деле купцы Финикии, за спиной которой примерно в тот период была цивилизация Древнего Египта. Подобно тому, как в Европе на заре рождения капитализма вместе с Англией были Голландия и Португалия, так и эти две древние цивилизации, своей торговой деятельностью, закованной в кровавую силу, сколотили богатство, сравнимое с горой Каф. Исследование истории накопления богатства Ассирии и Финикии при помощи торговли и силы покажет, что следы именно этих двух держав наиболее явно присутствуют в истории европейских колонистов (Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция, Бельгия и т. д.). С гордостью говорили правители этих деспотий о том, что возводили крепости и крепостные стены из человеческих черепов. Этика и культура жизни, сформированная на базе этой аннексионистской политики, по сей день не покидает реалий Ливана и Ирака, поскольку эти два государства не могут избавиться от участи быть ареной самых жестоких войн. Неслучайно республиканский Рим уничтожил Картаджу (финикийскую торговую колонию), сравнил ее с землей. Опять же неслучайно мидяне в 612 г. до н. э. сравнили с землей столицу Ассирии Ниневию.

Необходимо обратить внимание на торговые цивилизации. Во главе основных причин всех войн и появления государственных образований в истории лежит забота о безопасности купцов и торговых колоний, точнее, защита их интересов. Хорошо известно, что основная причина современных войн в регионе Среднего Востока заключается в нефтяном бизнесе (как жаль, что здесь, в Ираке — Уруке, началась первая война, и сегодня в регионе в самой жестокой форме опять же идет война). Можно представить еще больше примеров, но в этом нет необходимости.

В процессе капитализации экономики и перемещения центра цивилизации в Европу также можно наблюдать торговые причины. Средневосточная торговая цивилизация в средние века совершила новый скачок на базе распространения ислама. Лично Хатиджа и Мухаммед, позднее ставший ее мужем, в результате соперничества с сирийцами ассирийского происхождения, а также торговцами и ростовщиками еврейского происхождения, опять же, не без применения силы, создали свою торговую цивилизацию с центрами в Мекке и Медине. Под покровом исламской религии древние города Среднего Востока переживали новый подъем на базе торговли. Падение Византии и Сасанидской империи способствовало формированию в регионе крупной сети городов и рынков, в первую очередь, это Алеппо, Багдад, Каир и Дамаск. Торговые сети, распространившиеся от Китая до Атлантического океана, до внутренних районов Индонезии и Африки стала обретать вселенский характер. Сформировался развитый товарно-финансовый рынок. В руках евреев, армян и сирийцев сконцентрировался серьезный капитал.

Европа полностью опирается на полученное наследство. История свидетельствует о том, что торговая культура Среднего Востока, которая в лице мусульманских торговцев пережила еще один прорыв, начиная с 13-го века, стала перемещаться в Европу. в первую очередь, в итальянские города Генуя и Флоренция. Деньги и торговля являются главными причинами

их богатства. До 16-го века они лидируют в торговле между Европой и Средним Востоком. Может быть, впервые в истории они одерживают свои победы в масштабе города в смысле понятия и практически. Главную роль при этом играют и пиратские традиции Средиземноморья, и ценовая монополия, существующая средиземноморском перешейке между западом и востоком. Спекуляция идет нога в ногу с насилием. Превращение торговли в капитал, капитала в город, города в рынок, а рынка в расширение спекуляции приводит к рассвету капиталистической цивилизации. Еще один прототип этой стадии развития капитализма имел место в эпоху Афин и Рима (середина I-го тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). То, что капитал в эту эпоху не достиг серьезных побед, напрямую связано с преимущественной ролью земледелия, а также поражениями в религиозных войнах. Положительный опыт капитализма в итальянских городах-государствах в 14—17 вв. перемещался в направлении северо-западной и северо-восточной Европы. Впрочем, Испания была завоевана еще раньше. Начиная с 16-го века, длительный путь развития купечества впервые превращается в победы, которые по своим масштабам превышают уровень города.

Формируется рынок в мировом масштабе. Африка и Америка становятся объектами колонизации. Минувя Османскую империю, рынок устремляется в Индию и Китай через Атлантический океан и Южную Африку. В Европе начинается усиленный процесс урбанизации. Городской образ жизни впервые оказываются выше земледелия. Феодальные королевства превращаются в современные монархические государства. Последняя исламская империя, коей была Османская империя, последовательно терпит одно поражение за другим. Ренессанс начинается в 14-м веке в Италии и распространяется на территории всей Европы. Реформаторство в религии достигает успеха в Северной Европе. Впервые эпоха заполняется религиозными войнами. Что более важно, все культурные и цивилизационные ценности Китая, Индии, исламской цивилизации и даже Африки, и Америки целыми потоками были направлены в Европу. С одной стороны происходило рождение современного типа государства, с другой стороны, наций.

По мере стремления капитализма к победе за ним тянется шлейф так называемой истории, культуры, торговых накоплений, цивилизации, политики и раздробленного мирового единства. Разве возможен скачок капиталистической экономики без всех этих предпосылок и без опоры на эти условия? О какой возможности можно говорить, если даже понятие капитала было бы попросту невозможно? Подобно тому, как первым шагом истории стала урбанизация, классовое расслоение и становление государства в первом городе Урук в Нижней Месопотамии, вторым крупным шагом стала торговля и урбанизация в Финикии и Ионии, на этот раз третий крупный шаг она сделала, благодаря идеальному развитию на базе всех вышеуказанных условий, но теперь уже в географических условиях Италии, Голландии и Англии, крупной торговли, урбанизации, капиталистической экономики, ставшей вершиной и противоречием мирового рынка. Именно эти реалии существуют и по сей день, но уже под главенством США.

Фернан Бродель, настойчиво говоря о том, что капиталистическая экономика является экономической формацией, основанной на спекулятивном монополистическом разделении цен в противовес рынку и в сфере крупной торговли, в плане анализа реалии, оказался гораздо ближе к истине, нежели К. Маркс.

Мы наблюдаем экономический тип или формацию, которая дошла до власти в зеркальном отражении исторических событий, смогла максимально развить рынок в собственной структуре, начала устанавливать свое господство на всем протяжении от города до села, и в обстановке, где связь с религией и этикой отброшены на второй план, она основывается на утонченном и идеологически упакованном грабеже накопленного товара. Цена, формирующаяся в новой форме аннексии, несомненно, благодаря предложению и спросу, встречающимся на рынке, и отражение пены посредством денег в сравнении с прежними временами достигла серьезного прогресса, или обрела умение играть. Вместо первых ростовщиков и менял появились и достигли серьезного развития банки, векселя, ассигнации, кредиты, бухгалтерия, учреждение компаний, которые стали основными факторами формирования экономического катехизиса современной эпохи. Недоставало только научного объяснения, которое пытались построить политэкономисты родины политэкономии Англии, и также, как это ни парадоксально, их оппоненты, которых они позднее смогли перетянуть на свою сторону, то есть социалисты, и первую очередь, К. Маркс.

В то время, как грабительская система, называемая капиталистической экономикой, вновь поработала все общества и географические регионы путем их превращения в собственные колонии, привязывала к себе всех жертв своей мощи (путем превращения государств того периода в своих должников, что является еще одной формой аннексии), пока система развязывала самые кровавые войны в истории и утверждала свою гегемонию над обществом, превращая в свою собственность все, что с ним связано, К. Маркс и его последователи, объявившие капиталистическую экономику революцией по отношению к старому обществу, а также схожие школы мышления, на мой взгляд, не создавали никакой науки. «Капитал» является самой недостаточной, тем самым, позволяющей неверные толкования, книгой, написанной против капитала. Здесь я не обвиняю Маркса. Я всего лишь говорю о том, что у этого произведения нет категорий истории, государства, революции и демократии, в нем не развиты эти категории. Европейская интеллигенция, которая в силу своего состава считается очень «научной», пусть и субъективно неумышленно, в силу объективных положений, но своими исследованиями на почве «Капитала» (как книги) так и не создала науки и идеологии тех слоев населения, которые на антикапиталистической почве считаются «трудящимися». Что касается либерализма, то он просто прекрасно использовал эти недостатки, которые он хорошо распознал, анализ капитала и то, что на заре рождения капитализм называли революционным явлением. Наконец, позднее, ассимилировав (силой модернистской идеологии, при помощи национального государства и индустриализации) сначала немецких социал-демократов, следом за ними систему реального социализма (Россия и Китай) и, в конце концов, национально-освободительные системы, либерализм добрался и до классовой борьбы. Речь идет об однозначной капитуляции всех трех течений перед либерализмом, и жаль, что и по сей день поданному вопросу не прозвучало и слова самокритики.

Есть одно высказывание о том, что наука рано или поздно утверждает свои постулаты. Если бы то, что написано интеллигенцией, имело бы характер научного толкования капитализма, ставшего, по существу, войной, развернутой против всего общества, в первую очередь, рабочего класса, и его истории, то их труды не сдались бы столь легко противоположной системе. Что еще хуже — их наследие не было бы столь бессмысленно растрчено.

Определив, что в «Социологию Свободы» в несколько большем масштабе я вернусь к этим дискуссиям, в данной части я хочу проанализировать такое явление, как капиталистическая экономика, в рамках ее функциональности. Мне не нужно обращаться к словарю экономических терминов для того, чтобы рассуждать о таких понятиях, как излишки продукта, прибавочная стоимость, труд-ценность, зарплата, прибыль, цена, монополия, рынок, деньги, которые имеют отношение к накоплению капитала. В силу своих подходов к понятию социальной этики я оставляю эти вопросы, по которым проведены бесчисленные исследования, в их простоте и продолжу заниматься теми факторами, которые нужно раскрыть прежде всего. Но, тем не менее, в необходимой степени я коснусь этих вопросов.

Соотношение прибыли и качества на экономической базе, а также детерминация буржуа-пролетарий на социальной базе являются первыми шагами в позитивистском научном обосновании системы, которая самыми жестокими и уточненными методами ассимилировала исторические накопления человечества, растерянного капитализмом и выброшенного в атмосферу путем осуществления геноцидов и при помощи ядерного оружия. В основе позиций экономизма лежит стремление выдвигать в качестве научного доказательства такую идею, будто бы элемент, называемый пролетарием, создает ценности своим самостоятельным трудом, а далее владелец, являющийся своего рода хозяином этого пролетария, путем вложения денег и при помощи прочих средств извлекает прибыль из этой стоимости. Таково мировоззрение, включающееся в привязывании всего к экономике. Крайне проблематично даже описание стоимости, столь оторванного от истории, общества и политической жизни. Даже если «обожествлять» индивидуум до уровня капиталиста и рабочего, с таким мировоззрением они все равно не смогут создать стоимость. Социально-исторический характер экономических ценностей совершенно очевиден. Впрочем, то, что меня изначально воспринималась как нечто постыдное, а излишек продукта просто передавался в дар, связано со священным смыслом, вкладываемым в стоимость. И по сей день ни один крестьянин не говорит: «Это произвел я». Он говорит так: «Я перерабатываю добро моих предков». Даже говоря: «Хвала Господу за дары», человек выражает то, как он понимает источник, своими простыми словами, но более осмысленно, нежели так называемая наука.

Как мы можем оплатить труд матери, которая девять месяцев вынашивала будущего пролетария, затем своим невероятным трудом вырастила его для превращения в рабочую силу? Как можно сейчас установить принадлежность и доли средств производства, изготовленных при помощи тысячелетних накоплений, расхищенных владельцами капитала? Не стоит забывать, что стоимость любого средства производства вовсе не такая, как на рынке. Технические изобретения, использованные на любом заводе, является продуктом труда тысяч изобретателей. Как же определить и кому выплатить стоимость этих продуктов? Может ли человек, не растерявший своих моральных принципов, не задуматься о доле общества в этих изобретениях? Разве справедливо распределять между двумя людьми эти общественно-исторические ценности? У этих двух человек есть свои семьи, социальное окружение. Разве их семьи и социальное окружение, защищающие и оберегающие их, не имеют никаких прав на них? Вопросы можно расширить, поставив их под более острым углом, но даже этих вопросов достаточно для того, чтобы показать, насколько проблемной является дилемма прибыль-оплата.

Рассмотрим взаимоотношения владельцев прибыли и зарплаты как взаимоотношения буржуазии и пролетариата. Насколько соответствует действительности характеристика этих классов как революционных, создавших на заре своего рождения новое общество против старого общества? В истории этот союз не имеет никаких аналогов. Примеров, подтверждающих их дальнейшее противостояние из-за фундаментальных противоречий, вплоть до серьезных стычек, настолько мало, что никакого определяющего характера они не имеют. Имеющиеся факты есть ничто иное, как продолжение традиций старых конфликтов. Определяющим примером, наблюдаемым в конкретной жизни, является то, что современный рабочий является таким же придатком к телу буржуа, как некогда раб считался придатком тела фараона. История не знает примеров удачной акции рабов против своего господина. Даже широко известный Спартак, как выясняется, был повстанцем, мечтающим о статусе господина. Мы знаем, что никаких иных планов у него не было.

Не следует нам забывать, что взаимоотношения работодателя и работника, получившие в наследство тысячелетние взаимоотношения господина и раба, укрепились тысячью и одной нитью, и за исключением единичных случаев, не было серьезных выступлений работников против своего работодателя с победным результатом. В подавляющем большинстве взаимоотношения развивались на почве преданности к работодателю. Известно, что случаи, называемые восстаниями рабочих, в большинстве своем были выступлениями наполовину крестьянских элементов и были мотивированы нежеланием потерять работу. Восстания связаны с общим социальным влиянием. Именно это влияние отражается на взаимоотношениях работодателя и работников. Что особенно важно, работник боролся со своим работодателем не за свои права (это, как уже говорилось, было проблематично), а боролся против пролетаризации, против угрозы потерять работу. Более осмысленной и этически полноценной борьбой было бы стремление уберечь себя от превращения в пролетария, рабочего, не соглашаться с явлением безработицы. Мы вовсе не должны возвышать образ раба, крепостного и работника только потому, что они относятся к угнетенным классам. Напротив, действия и позиции, достойные возвышения, можно сформулировать так: противостояние собственному превращению в раба, крепостного и батрака. Для оппортунистов всех мастей общей тенденцией является то, что они сначала признают класс господ, а уже затем предлагают их слугам подняться на борьбу против господ. Именно такое мышление на протяжении всей истории приводило к поражениям в борьбе за свои права и труд. Одним словом, с такими «научными» понятиями нельзя создать ни осмысленной социологии, ни развить общественную борьбу! Говоря обо всем этом, мы отмечаем, что новее не отрицаем гнида, стоимости, прибыли, классов, мы просто считаем неправильными методы, использованные при создании пауки. Хочу подчеркнуть, что была создана ошибочная социология.

Капитализм реализует свои функции в экономической жизни общества на самом высоком уровне. Вначале эта функция основываясь на накоплении купцом капитала, благодаря монополии цен на рынке. Капитал, по определению, это постоянно растущая стоимость, выраженная в денежном эквиваленте. В особенности, па географически удаленных рынках с большой разницей в цене происходит большое накопление стоимости. Второй путь расширения — это проценты и льготы в обмен на финансовые займы, предоставляемые государству. Накопление капитала происходило па рудниковых предприятиях, в периоды голода и войн, в других важных сферах и в другие периоды. Капитал утверждался не только

в сфере торговли, ной в индустрии, транспорте, то есть там, где были возможности для накопления. Промышленная революция диктует перемещение основных сфер извлечения прибыли в промышленный сектор. В оба периода, играя на соотношении спроса и предложения, капитал старается определить место производства и потребления. В определяющей степени увеличивается величина прибыли. Если крупная торговля и промышленность были сферами прибыли на заре рождения и на этапе зрелости капитализма, то сегодня преобладающим сектором является финансовый. Такие первостепенные финансовые орудия, как деньги, векселя, банки, кредитные средства способствуют тому, что с активизацией капиталистической экономики сокращается длительность оборотов, происходит увеличение плотности размещения и расширение сферы капитала. Таким образом, в сфере прибыли появляются большие спекулятивные возможности, поэтому периоды кризиса становятся неотъемлемой частью капиталистической экономики.

Другими методами непомерного роста прибыли являются увеличение числа безработных, снижение заработной платы и отток инвестиций в страны с дешевой рабочей силой. В итоге эта экономическая формация, которая нашла свой источник в древних культурах охоты и культуры, обрела силу, позволяющую ей играть с ценами, не упустила своего шанса на развитие, ушла из-под общественного контроля путем нивелирования зависимости от морали и религии, поставила государство в зависимость от себя путем выдачи ей займов и установила свою монополию на рынке, в конечном счете окажется просто-напросто экономикой грабежа. Индустриальная аннексия в целях извлечения прибыли, актуализация одного типа производства и сферы потребления в соответствии с уровнем прибыли, последовательная нагрузка общества и окружающей среды непомерной ношей, и, как следствие, кризисы, упадок и разложение стали спутниками этой экономики с момента ее зарождения. Несомненно, речь не идет обо всей экономике. Ни торговля, ни земледелие, ни промышленность, ни пути сообщения, ни техника и рынки не являются изобретениями капитализма, напротив, это фундаментальные социально-экономические структуры, ставшие объектами тяжелой эксплуатации и грабежа. Слившись с историей и цивилизацией, они существуют в тесном сочетании с политикой.

Таким образом, я постарался выявить то, что экономизм является мировоззрением в русле определения капиталистической экономики, такой линией мышления, которая самым серьезным образом искажает действительность. Я уверен, что хоть на йоту, но мне удалось в общих чертах, на почве данного критического подхода рассмотреть это явление в тесной связи с такими категориями, как история-общество, политика и цивилизация-культура.

1.3. Политическая власть и её взаимоотношения с Законом

Все наблюдения свидетельствуют о том, что пока капитализм находился в зародышевом состоянии, политическая власть и законность уже появились в виде ростков. Капитализм всегда использовал любую власть и любое право; когда ему было нужно, он становится их ревностным защитником, но, когда ущемлялись его права, свергал любую власть и менял законы какими угодно заговорщическими методами, включая участие в революционных акциях. Порой капитализм участвовал в самых чудовищных играх в революцию. Он вел войны за власть любыми путями от фашистского переворота до мнимого государственно-коммунистического переворота, особенно в периоды кризиса и хаоса. Капитализм развернул все самые страшные в истории колониальные, империалистические и имперские войны.

Надо особенно подчеркнуть, что ни одна экономическая формация не испытывает такой потребности в доспехах власти, как капитализм, и капитализм не может сформироваться без фактора власти. Так называемые ученые-политэкономисты утверждают, что основной особенностью капитализма является то, что впервые в истории формируются прибыль, излишек продукции и прибавочная стоимость без участия власти, сугубо экономическими методами, путем добровольного объединения капитала и труда. Это их главная версия, но здесь мы сталкиваемся с высказыванием, которое сродни, как минимум, искажению теории труда. По их утверждениям выходит, что капитализм сугубо мирными методами где-то сколотил капитал; опять-таки, в результате мирных взаимоотношений сельчане, крепостные, ремесленники, оторвавшись от своих средств производства, собрались в единое целое, чуть ли не слились в счастливом революционном браке, создали и выдвинули на историческую арену новую экономическую формацию, представляющую собой некий синтез факториальной стоимости. Повествование ведется где-то примерно таком духе. Во всех текстах, создаваемых в штаб-квартирах крупнейших политэкономистов, эта «идея» возведена до уровня кредо. Без нее не было бы политэкономии. Добавив к этому рыночную конкуренцию, считайте, что книга по политэкономии уже написана, причем в контексте основных принципов.

Я лично не ощущаю необходимости выдвигать какие-либо идеи. Социолог и историк Фернан Бродель в своем исследовании «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.» (потрясающее трехтомное произведение, ставшее итогом тридцатилетнего труда), с помощью очень содержательных наблюдений и спорных методов конкретно указывает на лживость всех вышеуказанных идей. Первой идеей упомянутого труда Броделя является то,

что капитализм по своей сути является антиподом рынка. Вторая идея заключается в том, что капитализм — это сила и власть. Третья идея сводится к тому, что капитализм изначально является монополией до- и постиндустриального периода. Четвертая идея заключается в том, что капитализм не обусловлен конкуренцией изнутри и снизу, а насажден монополией или грабежами снаружи и сверху. Таков лейтмотив книги. Несмотря на то, что в этом труде есть недостатки и мысли, с которыми я не согласен, но по силе повествования и сути считаю этот труд наиболее ценным историко-социологическим толкованием. Эта работа стала, пусть и в ограниченной форме, но попыткой исправления всяческих искажений социологии, допущенных английскими политэкономистами, французскими социалистами и немецкими историками и философами.

Нет такой экономической системы, которая была бы создана капиталистом и работником путем добровольного объединения ими трудовых накоплений и сил в обстановке свободной конкуренции. Даже сказки и легенды не столь далеко отошли от реальности. Все элементы, которые мы по отдельности или в составе групп, классов можем считать капиталистическими, а также экономические силы, которыми они владеют, не только не смогут удержать в руках влияние, но и не продержатся ни секунды без защиты власти. Более того, без мощного окружения власти ни на одном из городских рынков не было бы ни торговли и условиях свободной конкуренции, ни формы использования рабочей силы. Но важнее всего то, что без создания обстановки жестокого и несправедливого применения силы нельзя было бы оторвать крепостного крестьянина и земледельца от земли, а ремесленника — от его верстака. Масштабные волнения и мятежные настроения вызвал в Европе происходивший в XIV-XIX вв. процесс отрыва трудящихся от земли и от их верстаков, которые были их средствами существования и к которым они привязались чуть ли не как к матери. Тысячи людей были казнены, миллионы — убиты в ходе гражданских войн или закончили свои жизни в тюрьмах и больницах. Казалось, этого было мало, и вследствие межконфессиональных и межнациональных войн жизнь была превращена в море крови. Колониальные и империалистические войны «консолидировали баланс» статистики.

Совершенно очевидна связь всех этих силовых факторов с монополистически-грабительским характером, навязанным снаружи при рождении капитализма. Какая политэкономическая риторика может опровергнуть эти утверждения?!

Для того, чтобы более конкретно увидеть эти реалии, необходимо ближе рассмотреть войны XVI -го столетия, приведшие капитализм к победе. Главными факторами, характеризующими картину власти и войн указанного столетия, стали императоры испанской ветви Габсбургов, французские монархи Валуа, англо-саксонская династия Стюартов, заменившая монархов норманнского происхождения в Англии, и, что самое интересное, на исторической арене появилось еще не получившее своего названия княжество в местечке Оранж в Голландии, представленное молодым князем Вильгельмом «Оранским», которое, в принципе, могло стать началом цепной реакции.

Эти Габсбурги, короли и императоры германского происхождения, набравшие сил и активными темпами продвигавшиеся к императорским тронам после изгнания мусульман из Испании (к XVI в.), считали себя наследниками Рима. В частности, в 1453 году, после захвата Константинополя османским султаном и войны между австрийскими Габсбургами и

османцами эта идея уже используется как мотив. Во Франции монархическая ветвь Валуа также запылала пламенем имперских амбиций. Они считали себя истинными наследниками Рима. Опасаясь поглощения этими двумя империями, английский королевский двор и Оранское голландское княжество развернули борьбу, которая в чем-то была сродни национально-освободительной. Впоследствии наблюдался рост аналогичных движений, а именно шведской, прусской монархий и даже объединение земель вокруг Московского княжества вплоть до утверждения царской власти. Английская монархия и Оранское голландское княжество в начале XVI столетия столкнулись с опасностью быть реально поглощенными испанской и французской монархиями. Если бы эти намерения имели успех, то, с большой долей вероятности, капиталистическое развитие западноевропейских городов, в первую очередь, английских и голландских, оказалось бы в таком же положении, как в итальянской Венеции, Генуе и Флоренции.

Основным фактором, не позволившим этим очень усилившимся итальянским капиталистическим городам обеспечить победу капитализма в масштабах всей Италии, стало их политическое бессилие. Точнее, захватнические войны, развернутые испанскими, французскими и австрийскими королями и императорами против Италии (богатств ее городов), завершилось покорением этих городов. Упомянутые города были вынуждены довольствоваться ограниченными экономическими и политическими возможностями. Так задержалось объединение Италии, а итальянский опыт капитализма остался половинчатым и не получил распространения во всей стране. Пусть и временно, но сила сыграла здесь определяющую роль. В ответ на это капиталисты итальянских городов, как и все капиталистические элементы, находящиеся в состоянии утери политического господства, привязав к себе эти государства финансовыми путями, сами превратились в орудие политики по формуле «ты мне — я тебе», потому что новая религия капитализма формировалась вокруг принципа «деньги-деньги (ДД)».

Английская монархия и Оранское княжество не были побеждены, и главную роль в их непобедимости сыграли как кредитование государства капиталистическими элементами, так и судостроительная промышленность, созданная ими вместе с государством. Концентрация усилий именно на морской, а не на сухопутной силе, открыла им путь к победе. В этом периоде зародились две очень важные стратегические линии:

1. Английская монархия и голландские провинции сыграли преобладающую роль в капиталистической реорганизации и практическом оснащении государственной модели. Они стали первыми примерами систематического получения доходов на базе налогообложения, стабилизации бюджета, ориентации на рациональную бюрократию и профессиональную армию. Используя превосходящие морские силы, они положили конец преимуществу испанцев и французов на морских просторах. Их господство в Атлантическом океане и позднее на Средиземном море предредили судьбу колониальных войн. Так началось падение испанского и французского владычества. Успехи Испании и Франции на суше по причине займов на поверку обернулись для них очень дорогой пирровой победой. В целом является общепринятым мнение о том, что именно новшества во властной структуре Англии и Голландии предопределили судьбу капиталистической экономики. В очередной раз можно увидеть, что в кризисные периоды политическая сила может играть определяющую роль в отношении экономических формаций. То, чего не смогли добиться

итальянские города, добились Лондон и Амстердам.

2. Процесс, противоречащий политической воле Англии и Голландии, в указанном столетии имел место в имперских государствах Испании, Франции и Австрии. Эти три государства больше всего мечтали о создании империй, похожих на римскую модель. Между ними были и близкое родство, и противоречия. Английская монархия довольно рано освободилась от этой эйфории. Так, вместо создания империи европейского масштаба претендовала на мировое имперское господство. Что касается Испании, Франции и Австрии, как государственных режимов, основанных на победе капиталистической системы, то, несмотря на многочисленные реформы в целях формирования облика со временных монархий, по своей сути они оставались политическими орудиями, сформировавшимися в соответствии с нормами старого общества. Они были далеки от современной налоговой системы, бюрократии и профессиональной армии. Бюджеты этих стран не были стабильными — они постоянно залезали в долги. Их умения оказалось недостаточно для преодоления нестабильности, к которой привело капиталистическое развитие. Оставим в стороне вопрос полной поддержки этих государств своими же капиталистами, но факт в том, что из-за долгов между ними регулярно возникали серьезные противоречия. Централизация с феодальной аристократией приводила к обострению противоречий в силу монархического характера власти. Все общество лихорадило из-за противоречий между городом и деревней. Достаточно было просто восстаний, чтобы полностью задушить эти монархии. Поддержка, оказываемая оппозиционерам властями Англии и Голландии, способствовало поражению многих революционных акций. Естественно, что цели и результаты порой были совершенно разными: едва ли не так же, как в Великой Французской революции.

Французская, испанская и австрийская монархии, являвшиеся той самой силой, которая предотвратила социально-политическую победу капиталистической экономики Италии, в свою очередь, не смогли избежать многократных поражений от эффективных государственных моделей Англии и Голландии, финансируемых городскими капиталистами. В рождении стратегических результатов в очередной раз очень четко наблюдается определяющая роль взаимоотношений между экономической формацией и силовыми системами. С точки зрения осознания отношений, сложившихся между силой, властью и экономикой, Европа XVI столетия была своего рода лабораторией. История цивилизации как будто восстает из могилы и повествует о себе, говоря: «Ты поймешь меня настолько, насколько поймешь самого себя». В данном случае речь идет о Европе XVI-го столетия.

Краткое изложение социально-политического развития взаимоотношений между силой и экономикой поможет лучшему раскрытию темы.

А. Первая организация «сильного человека» в эпоху до цивилизации бросила в капканы не только зверей. Именно эта организация «положила глаз» на семейно-клановое имущество, являющееся продуктом эмоциональной деятельности женщины и охранявшееся ею, как зеница ока. Это было первой серьезной организацией силы. Аннексии подвергалось все: сама женщина, ее дети и другие кровные родственники, их материальные и культурные ценности. Это было первой грабительской акцией в отношении домашней экономики. На примере всех обществ, пребывающих на схожих стадиях развития, можно наблюдать, как на почве этой аннексии силовая организация, представленная протожрецом — шаманом,

умудренным опытом шейхом — правителем и сильным человеком способствует формированию первой в истории и продолжавшейся наиболее длительное время силы, коей является патриархальная иерархия (священное правление). Ясно, что вплоть до периода классового расслоения, урбанизации и становления государственности именно эта иерархия играла определяющую роль в социально-экономической жизнедеятельности человека.

Б. Экономическая формация, возникшая в процессе цивилизации, ознаменованной образованием классов и городов, очаг силы, олицетворенный присутствием жреца-короля-военачальника, называется государством. Структура, объединившая в тесном взаимодействии религию, политику и армию, формирует власть. Основной особенностью этой силовой системы является организация собственной экономики в форме государственного коммунизма. Применительно к этой форме экономики я употребил термин «фараонов социализма», даже не зная о том, что этот термин уже использовался Максом Вебером. Атавистическая матриархальная экономика продолжает существовать уже в рамках патриархально-феодальной родоплеменной экономики. В условиях фараонова социализма люди существовали в виде безымянных и бессловесных рабов. Все их права сводились к глиняной миске похлебки для поддержания жизни. Тысячи мисок, обнаруженные в руинах храмов и дворцов, подтверждают эти взаимоотношения.

Сила, воплощенная в форме государства, считает своим правом грабить все, что видит в экономике на любой стадии, которой она достигает. Грабеж представляется некоей формой насилия. Сила становится для них божественным и священным понятием. Все, что ни сделает сильный человек, является справедливым и заслуженным. В частности, на Ближнем и Среднем Востоке, в Китае и Индии, ставшими главными центрами формирования цивилизации, верхняя надстройка или каста, назвав базис «экономикой», видела в самой себе силу, необходимую для управления. Еще не формировались рынок и конкуренция, не сформировалось также такое понятие, как «экономический сектор». Если и существовала торговля, то она представляла собой одну из главных межгосударственных функций. Торговля является далеко не частным делом: монополия государства распространяется и на нее. Города-рынки в исключительных случаях формировались иногда в буферных зонах государств. В краткие сроки они превращались в города-государства. Поскольку в этот период торговля проходило при помощи караванов, то грабежи, осуществлявшиеся «сильным человеком» в образах «сорока разбойников», «пиратов» и «бандитов», стали столь же действенными, сколь грабежи, устраиваемые государством.

В. В греко-римской цивилизации мы видим широко распространенное и развитое состояние автономных городов, рынка и торговли. Вавилонская и Ассирийская деспотии, принявшие наследие Урука и Ура, открыв, возможно впервые, агентства для экономики, внесли новый вклад в цивилизацию (речь идет о тесном переплетении таких понятий, как рынок, структура, прибыль). Впрочем, торговые колонии доходят своими корнями до Урука и даже глубже. Рост изменений и формирование рынка подготовили выход на историческую арену ассирийской государственности как первой величайшей империи. В основе своей все империи — это ответ на потребность в безопасности, необходимой для экономической жизни. Поскольку стержнем экономики Ассирии была торговля, то структура торговли потребовала политической организации в имперском стиле. История считает Ассирийскую империю самой жестокой империей, примером деспотизма, но это — зародышевая форма

капитализма, которую можно назвать фундаментальным торговым монополизмом. Ассирийский торгово-монополистический капитализм обусловил формирование надстройки в виде мрачного императорского правления.

Греко-римское политическое влияние и, помимо этого, наследие в виде городских торговых колоний, оставшееся от финикийцев и добавленное к ассирийскому наследию, способствовали формированию экономического базиса с более развитой политической надстройкой. Пусть и в ограниченной форме, но перемены получили широкое распространение и вступили в действие такие понятия, как автономные города, рынок, торговля и конкуренция. Мы видим процесс урбанизации, способный сбалансировать сельскую местность. Теперь уже село, стремясь к достижению перемен, производит больше продукции для городов. Получила развитие торговля тканью, продуктами питания, ископаемым сырьем. В частности, сеть дорог покрыла огромное пространство от Китая до Атлантического океана. Политическая мощь, присутствующая в Иране, благодаря торговле между Востоком и Западом, превращается в стойкую торговую империю. Иранцы серьезно притеснили Грецию и Рим вплоть до угрозы установления над ними гегемонии. Это стало фундаментальной преградой на пути аннексии китайских, индийских и среднеазиатских племен и политических факторов в направлении Запада. Аналогичные функции он выполнял на пути аннексионистского продвижения на Восток. Только Александр Македонский и его последователи в кратчайший исторический период (330—250 г.г. до н. э.) смогли преодолеть данную преграду и распахнуть все двери на своем пути.

Греко-римская цивилизация представляет собой также территорию, на которой чаще всего встречаются первые примеры капиталистической экономики. Степень автономности городов, установление обмена и ценообразования на рынке, существование богатых торговцев — все это является свидетельством роста и мощи, достигнутых капитализмом. Преимущество сельской местности перед городом и организация империи (в основном базируется на сельской экономике) препятствуют становлению капитализма в виде господствующей общественной системы. Капиталисты остаются на максимально высоком купеческом уровне. Их вмешательство в производство и индустрию имеет крайне ограниченный характер. Более того, они часто наталкиваются на препятствия, чинимые политической властью. Рабовладение еще сохраняет сильные позиции, и шансы рабочей силы на свободную жизнедеятельность ничтожно малы. Женщины и мужчины продаются и покупаются, причем одни — как наложницы, другие — как рабы. Безусловно, единственной определяющей силой капиталистической экономики является насилие. Существование рабов как экономической стоимости, разумеется, приводит к взаимоотношениям «насилие-экономика» (экономика, основанная на захвате излишка продукта). И военно-политическая каста древних систем Китая и Индии, и капиталисты-колонизаторы видели в низшем обществе своего рода экономический сектор, эксплуатировали его, считая при этом управление своей основной и естественной функцией, точнее, своим божественным правом.

Экономика как термин относится к античному греко-эллиническому миру. С одной стороны, привязка к смыслу понятия «семейный уклад» свидетельствует о связи с женщиной, с другой же стороны, — подчеркивает позиции традиционной политической силы. По отношению к экономике торговцы играют роль монополий точно так же, как монополии в эпоху капитализма, но теперь уже в роли политических монополий. Они выполняют в

политике ту же роль, что и монополия в эпоху капитализма. Должен особенно отметить то, что между политической и экономической монополиями существует тесная корреляция (связь); в целом они обуславливают существование друг друга. Политическая сила Афин и Рима парадоксальным образом, в силу своего величия, не воспринимала капитализм. С другой стороны, эта сила серьезно уступала сельскому укладу жизни, по-тому не смогла способствовать возникновению экономической формации городского типа. Этот период цивилизации признает капиталистов, но пока еще не допускает превращения в систему.

Г. В средневековой исламской цивилизации торговля играла преимущественную роль. С экономической точки зрения пророк Мухаммед и исламская религия тесно связаны с торговлей. Развитие на базе торговли аристократии арабского происхождения, оказавшейся в стесненном положении между Византией и Сасанидами. является основным социально-экономическим фактором исламского подъема. Известно, что ислам с момента своего зарождения основывался на силе меча. Главенствующее положение в сфере торговли и финансов, занимаемое евреями и потомками ассирийцев, выявило противоречие, в которое внедрился ислам, оказывая сильное давление и на две политические монополии, коими были Византия и Сасаниды. На этой стадии истории в старинном регионе ислам придал яркий характер взаимоотношениям силы и экономики. Средние века явились своего рода «эпохой ислама». Идеологи ислама понимали, что идея безопасности торговли мотивирует необходимость имперского стиля государственного устройства, но в то же время, по тем же соображениям безопасности препятствует этому процессу. В частности, возникает постоянное препятствие перед превращением торгового капитала в капиталистическую форму производства. Структура сельской общины находится под неусыпным контролем религии и морали. Он не может превратить в политическую силу ограниченную степень свободы, обретенную в городах. Несмотря на распространенную сеть городов и рынков, а также значительный рост городов, они не обладали силой, необходимой для преодоления стадии, на которой находились итальянские города. Это — проблема совершенно не технологического характера, она имеет религиозное и политикомонопольное происхождение. Постоянная аннексия имущества торговца является потребностью системы. Ислам не смог породить капитализм, и это является тем обстоятельством, которое можно трактовать в пользу ислама. Положительная трактовка того факта, что ислам по сей день является самой масштабной преградой на пути капитализма, может стать серьезным вкладом в проекты социального освобождения (речь идет об общинном мировоззрении в исламе, интернационализме племен, неприятии ростовщичества, помощи неимущим и пр. обстоятельствах). Но необходимо также хорошо осознавать, что современный исламский радикализм несет в себе неоисламский капитализм, полный правого и левого национализма.

Исламскую цивилизацию в Европу перенесли арабы и берберы под предводительством Эмевитов. Что касается торгово-экономической экспансии этой цивилизации, то главными действующими лицами тут были торговцы из итальянских городов. Османцы в ограниченной степени способствовали переносу исламской цивилизации только в смысле политической монополии. Их влияние осуществлялось лишь в следующем отношении: для успешного противодействия османцам политические и религиозные силы Европы вынужденно обратили свои взоры в сторону капитализма. Не будь османцев, вероятно, политическим и религиозным монополиям Европы не пришлось бы в такой степени окунуться в экономическую и военно-политическую организацию капитализма. Мы в очередной раз

видим, как сила порождает силу, а та, в свою очередь, ускоряет поиски экономической формы.

Определяющий вклад Ближнего Среднего Востока в зарождение европейского капитализма связан с христианством. Подчеркивая свои надежды на то, что в «Социологии Свободы» я постараюсь более широко раскрыть эту тему, в данном случае я ограничусь напоминанием о труде Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Можно добавить, что к десятому столетию Ближний и Средний Восток уже завершил формирование европейской этики, сыграл фундаментальную роль в зарождении европейского феодализма (как в политическом, так и религиозном смысле), а крестовые походы способствовали переносу ближневосточной культуры в Европу. Так или иначе, но все эти факторы, носят определяющий характер.

Если к этому краткому историко-социальному экскурсу добавить наш анализ XVI столетия, станет гораздо яснее сущность сияния политической диспозиции на рождение капитализма. Можно совершенно спокойно говорить о том, что это влияние порой задерживало и препятствовало, а порой ускоряло развитие капитализма, вплоть до того, что приумножало успех. В капиталистической системе происходит максимальное приближение к формуле «государственная монополия — это капиталистическая монополия».

Имеет смысл коснуться вопроса взаимоотношений права и новой системы с нескольких позиций. Право — это структура, формирующаяся в целом по мере развития торговли, рынка и города. Общества, где наиболее велика потребность в правовом урегулировании, — это, как правило, общества, в рамках которых нравственность изрядно устарела, роль силы непомерно возросла и способствует возникновению хаоса, а проблемы равенства обретают крайне актуальный характер. Поскольку самые серьезные проблемы, касающиеся нравственности и равенства, формируются вокруг образовавшихся в городах классов и рынка, право становится неизбежным в государственном строительстве. Без права государственное управление если и не становится невозможным, но в крайней степени затрудняется. Определить право можно как постоянное, урегулированное и структурное состояние политической силы государства. Это своего рода замороженное, спокойное, стабилизированное государство. Право — это структура, теснее всего связанная с государством. Связка «торговля-государство» с момента зарождения до капитализации постоянно находилась в развитии и постоянно становилась все более запутанной. От Вавилона до Рима все время создавались тексты законов, которые в совокупности можно было бы назвать правом. В большинстве своем право регулирует вопросы потери имущества и смерти человека. Право служит идее облегчения политических проблем, но порой оно, напротив, умножает эти проблемы. Его функция сводится не к обеспечению равенства всех граждан, как принято, но, как это ни парадоксально, к узаконению реально существующего неравенства, его утверждению и превращению в некий неизменный постулат. Короче говоря, было бы точнее всего характеризовать право как увековечение монополии политической мощи.

Еще большее значение имеет связь права с этикой. Этика — это своего рода цементирующий элемент любого общества. Нет ни одного общества без этики. Этика — первый организационный принцип человеческого общества. Основная функция этики

связана с тем, какими должны быть аналитическое и чувственное мышление, к каким принципам и позициям они должны быть приведены во благо общества. Этика равно относится ко всему обществу, но, тем не менее, отслеживает роль и права всех различий. Изначально этика представляет собой совесть общества. Первым ударом по нравственному обществу становится структуризация иерархии и политической силы в форме государства. Классовое расслоение подготавливает почву для нравственного деления общества — так начинается этическая проблема. Если политическая элита старается решить эту проблему при помощи правового урегулирования, жрецы пытаются найти ответ путем облачения проблемы в религиозную форму. И право, и религия в этом смысле берут за основу этику. Подобно тому, как постоянные, регулярные и структурные механизмы политики представляют правовую сферу, создатели религии хотят выполнить эти функции при помощи других постоянных, регулярных и структурных механизмов нравственного происхождения, то есть урегулировать нравственный кризис при помощи религии. Разница между ними заключается в конструктивной силе права; что касается религии, то она, не обладая этими качествами, берет за основу критерии совести и страха перед Богом.

Поскольку этика связана с умением человека выбирать, она также тесно связана со свободой. Этика требует свободы. Любое общество, как правило, предопределяет свою свободу степенью нравственности. Стало быть, лишенные нравственности человек или общество не могут быть свободны. Наиболее эффективным доведением общества до упадка является разрыв его связей с нравственностью. Ослабление влияния религии не может привести к такому упадку, как ослабление нравственной составляющей. Религиозный вакуум могут заполнить различные идеологии и политические философии, ставшие своеобразной религией, и экономическая практика. Что же касается отсутствия нравственности, то ее место могут занять обреченность и ущемленная свобода. Функцией этики как теории нравственности является исследование и возвращение к своей основной роли. В первую очередь, это основные вопросы философии и проблема возрождения нравственного начала. До тех пор, пока этика не осознает и не реализует полностью свои функции и не превратится в фундаментальный жизненный принцип, она будет актуальной и обществе как проблема, не утратившая своего значения.

Эти краткие характеристики, касающиеся права и нравственности в контексте их связи с политической властью, имеют серьезное значение в части, затрагивающей рождение капиталистической экономики. Капиталистическая экономика вряд ли может укорениться в обществе до тех пор, пока не разрушит до основания религию, нравственность и даже феодальное право. Я не хотел бы, чтобы в моем лице видели защитников религии и морали ушедшей в историю социальной элиты. Я всего лишь говорю о том, что великими религиями и масштабными этическими учениями и теориями крайне тяжело удержать в связке со своими принципами такую систему, такой режим, как капитализм. Даже влияние политической силы в этих вопросах крайне ограничено. Упадок религии и нравственности приводит к упадку политической мощи.

Вполне очевидно, что эти споры, касающиеся Реформации XVI века, права и этической философии, связаны с рождением капитализма. Поскольку мы, охарактеризовав суть политических баталий и роль силы, избежим повторения.

Протестантское реформаторство, а также итоги великих конфликтов и войн, которым оно способствовало, стали важнейшими факторами, предопределившими судьбу Европы Нового времени. Оценивая роль протестантской этики, Макс Вебер, на мой взгляд, не указал самый важный пункт. Протестантизм облегчил рождение капитализма. Но он нанес сильный удар в целом по религии морали и, в частности, по католицизму. Протестантизм несет немалую ответственность за все грехи капитализма. Я говорю это не ради защиты религии и католицизма; я утверждаю, что протестантизм сделал общество более беззащитным. Где бы ни развился протестантизм, там неминуемо наблюдался скачок капитализма. Он стал своего рода «Троянским конем» капитализма.

Некоторые мыслители эпохи сразу же предупреждали по поводу отрицательного влияния протестантского реформаторства, и против нового Левиафана, которого оно породило. В действительности стоило бы назвать Ницше первым, кто занял резкую позицию против современного капитализма. Труды этих мыслителей, носителей антикапиталистического мировоззрения адептов свободного общества и свободной личности, и по сей день не потеряли своего значения.

Т. Гоббс и Х. Гроциус, поднатюрившие в правовых дискуссиях, теоретизировали право для того, чтобы способствовать рождению нового Левиафана (капиталистического государства). Передача государству всей монополии на применение силы означает обезоруживание общества. Результатом становится скачок к фашизму, совершаемый силой централизованного национального государства, возрастающего в степени, несравнимой ни с одним историческим периодом. Правило неделимости господства является теорией лишения мощи всех общественных сил, не являющимися государственными. Это — беспрецедентное лишение общества средств защиты перед угрозой, исходящей от капиталистического чудовища. То, что эти два мыслителя, по сути, объявили, что «человек человеку волк», вместе с тем декларировали монопольную силу монарха, означает то, что они со всех фронтов открыли дорогу перед капиталистической монополией. Если повторить, то выходит так; политическая монополия — это монополия экономическая. Еще один крупный мыслитель XVI столетия, Макиавелли, совершенно ничего не скрывая, подчеркнул, что для достижения политической победы не стоит останавливаться ни перед какими-либо моральными узами. Получается, что еще столетия назад он озвучил принцип, впоследствии приведший к фашизму.

Отнюдь не следует считать, что я обвиняю или подвергаю критике все усилия, приложенные для реформаторства. Я считаю, что реформы религии не должны ограничиваться несколькими разовыми мероприятиями, а должны осуществляться очень часто и регулярно. Я считаю, что на протяжении многих лет ощущается потребность в исламском реформаторском движении, которое должно быть гораздо глубже христианского реформаторства и иметь более постоянный характер. Ясно, что эти усилия требуют объема и личностного подхода. Но это — необходимая функция сточки зрения преодоления засилья ближневосточной деспотии. И труде под названием «Демократическая Конфедерация Ближнего и Среднего Востока», который я задумал как отдельный том, и постараюсь рассмотреть этот и аналогичные вопросы.

Целью этих строк не является раскрытие характера таких эпох, как Возрождение и Просвещение, поскольку это движения, имевшие место в различные столетия. Даже если попытаться усмотреть связь с капитализмом, то это может быть только опосредованная связь. Более того, обобщение было бы неверным. Среди этих движений есть и те, кто хотел расчистить дорогу капитализму, побыли и такие, которые хотели эту дорогу закрыть. Ассимиляция оппонентов силой денег, проводимая капиталистическими элементами, является совершенно понятным обстоятельством, равно как и стремление привязать к себе власть. Но великие философы свободы, реформаторы (Джордано Бруно, Эразм Роттердамский), не боясь участи быть сожженными заживо, выступали как утописты и проповедники коммун и служили всему человечеству. Еще раз стоит повторяться по поводу того, что в эпоху Возрождения, Реформации и Просвещения все народы буквально переродились, обретая новую жизнь, язык, образ, мелодичность. Они обожествлялись, порабощались, воевали, мирились, побеждали и терпели поражения. Но в итоге капиталистические элементы, столетиями скрывавшиеся в расщелинах общественной структуры и ее потаенных уголках, стали наиболее подготовленной и мощной организацией в неясной картине этих смутных столетий. Общество было ассимилировано при помощи силы, денег и идеологии, при необходимости его завоевывали силой, приводя капиталистическую систему к победному воцарению на троне. Этот свой победный поход продолжает и по сей день.

1.4. Пространство капитализма

Вопрос о месте происхождения общества является предметом исследований. В рамках этого вопроса прилагаются усилия к тому, чтобы разобраться, с каким географическим регионом связано происхождение и развитие человеческого общества. Тема очень широкая. Здесь можно начать повествование с формирования Солнечной системы. Более того, в предмет изучения географии входит обширный список вопросов, включая вопросы об эволюции планеты Земля, представляющей собой третий пояс вокруг Солнечной системы. Тут можно говорить об атмосферных слоях, морях, океанах, водных потоках и осадках, сформировании скальных пород, о слое земли, живой природе в океанах и первых живых клетках, растительном мире, начавшемся с водорослей, мире животных, зародившихся с примитивных бактерий, взаимоотношениях между фауной и флорой. В общем смысле можно говорить об эволюции флоры и фауны, в частности, о том, на какой стадии эволюционного процесса началось формирование человека как вида, отошедшего от приматов, которых предположительно считают предками человека.

Ясно, что в наиболее общих чертах есть тесная корреляция во взаимоотношениях человека с географическим регионом в виде звеньев спирали. Например, если хотя бы на один день прекратят свое существование такие явления, как атмосфера, растения, животные, земля и источники питьевой воды, то и человек, как вид, прекратит свое существование. Даже мгновенное нарушение баланса между этими сферами может положить конец жизнедеятельности человека, как будто это является величественным произведением разума. Таким образом, всегда надо иметь в виду взаимоотношения в целом между человеком и географией. Без этого не может быть нормального изучения социологии. Но до последнего времени создавались наука, философия, религия, были написаны тысячи произведений, и все без учета этого фактора, точнее, полностью игнорируя эти взаимоотношения. Странно, но мифы, которые мы больше всего считаем не соответствующими действительности, в реальности гораздо больше интересовались характером взаимоотношений, которые мы можем назвать отношениями человека и географии. Такое положение вещей, по всей видимости, является следствием отрыва аналитического мышления от чувственного.

Гораздо более определенным является влияние места, то есть географических условий, на «длительную продолжительность» раннего родоплеменного периода в развитии человеческого общества. То, что до конца четвертого ледникового периода первобытное общество не смогло совершить серьезный скачок, можно было бы, помимо недостаточного уровня внутренней эволюции, объяснить неблагоприятными географическими условиями. Несколько миллионов лет, в течение которых, как предполагается, существовало родоплеменное общество, являются достаточным сроком для внутренних эволюционных

процессов. Значит, именно внешняя среда не давала возможности для развития. Все географы едины во мнении, что в конце четвертого ледникового периода (с XX тысячелетия до н. э. по настоящее время) сформировалась географическая среда, в общих чертах схожая с современной. Человек, прошедший до этого периода несколько этапов своего развития (возможно, за исключением Америки и большей части Океанических островов) в географических регионах, гораздо позже называемых Азией, Европой и Америкой, к концу четвертого ледникового периода перешел на новую стадию своего развития уже в виде *homo sapiens* (человека разумного).

Можно видеть, как с XXI тысячелетия до н. э. конкретизировались три культурные группы — все это представляется в сравнительном антрополого-археологическом аспекте. Первая — это семитская группа, близкая к негроидной расе, скорее всего, представляющая собой последнюю волну постоянного исхода с Африканского континента. Семиты смогли расселиться Северной Африке, Аравийской пустыне и местами у подножий горной системы Тавра и Загроса. До стадии приобщения к цивилизации они расселялись очень активно, в дальнейшем же — по мере возможностей. Вторую группу составляют племена, которые, покинув подножья Сибирских гор, через Берингов пролив оказались на североамериканском континенте; другая ветвь этой группы расселилась на Западном побережье, островах Тихого океана и внутренней материковой зоне вплоть до Средней Азии и местами до Восточной Европы (финно-угорские племена). Их порой называют желтолицы и краснокожими. Но самую большую группу формируют современные китайцы, японцы и турки. Остается индоевропейская группа, которую мы называем «белой» расой, и которая расселилась на более благоприятном и широком пространстве. Именно эти группы в основном положили начало цивилизации и ее предшествующей стадии — неолиту. Гораздо позже желтолицы и чернокожие, являвшиеся северными и южными видами, перешли на стадию неолита и цивилизации, но, на мой взгляд, это было бы крайне затруднительно без влияния белых.

Все ведущие антропологи, археологи, геологи и биологи едины во мнении, что подножья Тавра и Загроса обладали наиболее благоприятными условиями для развития в рамках индоевропейской группы сначала эпохи неолита, а затем уже — перехода к последующим стадиям цивилизации. Наряду с основными определяющими факторами, коими являются флора и фауна, достаточное количество осадков и наличие водных потоков, климат и геология, данный ареал, будучи основным транзитным регионом между Африкой, Азией и Европой, обладал идеальным географическим положением. Родоначальники индоевропейской группы, называемые первопроходцами мировой цивилизации арийской группой (вероятно, шумеры были первыми, кто использовал слово Ариан — современный Иран — ассоциирующееся с растительной культурой на холмах и подножьях), положив начало эпохе неолитического земледелия, позднее начали эпоху городов, государств и в целом цивилизации. При этом они сыграли главную роль в распространении цивилизации по всему миру. Не буду повторяться, поскольку первая книга моей Защитной речи пыла посвящена именно этой теме.

Обстоятельство, являющееся основным предметом нашего исследования, заключается в рассмотрении роли, сыгранной географией в победе капитализма не где-нибудь, а на территории современной Голландии, о которой в истории нет особых упоминаний, и

островной Англии.

Современные социологи зачастую сужают роль географии в рамках таких понятий, как «геополитика» и «геостратегия» и стараются дать свои толкования, игнорируя основную суть географии. Но дело в том, что взаимоотношения между нею и историко-социальным фактором требуют более фундаментального и первостепенного изучения. В данном случае надо не просто наблюдать за ветвями, а смотреть в корень вопроса. В целом географическое исследование эпох и цивилизаций является условием осмысленной антропологии и исторической науки. Не бывает истории без места возникновения. Впрочем, существующая во Вселенной дилемма места и времени постоянно является предметом внимания как средоточие фундаментальных масштабов. Взаимосвязь между этими двумя категориями, даже их взаимное превращение и объединение, является предметом постоянного обсуждения и оценки в рамках различных наук.

Вернемся к нашему рассказу о «коварном и сильном человеке». Действительно, я должен обратить ваше внимание на то, что я верю в необходимость связей между повествованием и тандемом «знание-наука». Я не уверен, что наука может обрести полный смысл без повествовательной составляющей. С этой точки зрения, повествование о «хитром и сильном человеке» является одним из тех понятий, которые должны стать краеугольными камнями в фундаменте социальных наук. Это необходимо для лучшего толкования некоторых общественных отношений. В сфере бесчисленных явлений и отношений повествование, как средство, вносит в науку наиболее ценный вклад. Поскольку религиозность, называемая позитивизмом, не в состоянии определить количество явлений и взаимоотношений, подтверждение которых попросту невозможно пол маркой позитивизма, наиболее правильным было бы развитие науки путем обращения к религии, нравственности, другим видам искусства, в основе которых лежит форма повествования. «Коварный и сильный человек», начав с воплощения в властвующем мужском образе, прошел долгий и извилистый, полный лабиринтов и ловушек, путь до апогея силы в современном мире. Очень важно исследовать обстоятельства деятельности этих людей, временами открытые, но порой тщательно скрываемые. Их возвеличивание как постоянной стратегической силы в рамках постоянных акций (экономических, политических, военных) и тактических действий позволило бы нам овладеть этими знаниями.

«Коварный и сильный человек», подобно грабителю, ворвался в домашний быт женщины. Но одного грабежа ему оказалось мало, и, что более страшно, держа женщину под страхом постоянного насилия, он превратил священный семейный очаг в логово сорока разбойников. Его никогда не покидало состояние души предателя, осознающего, что он совершает это преступление. Семена первого накопления капитала проросли именно в этих двух местах: первое — это захват дома непосредственно у тех, кто занимался домашним бытом, и второе — это расположение в «базовом центре», или близлежащих логовах сорока разбойников, превращенном в монополию в противовес официальной, узаконенной монополии государства. Поскольку «он» избегал контроля общества и государства, с самого начала блуждая между районами своего местопребывания в маске, скрывающей его коварное лицо. Он укрывался, но по возможности, выследив жертву, превращался в жестокого льва и набрасывался на нее. Порой же он ловил свою жертву с помощью обычной хитрости. Не преминул он превратиться в хамелеона, меняющего окраску в зависимости от обстановки, а

также стал докой по части торговли в пограничных точках. Город и сельская местность, до которой еще не могли добраться цивилизации, оказались под его четким контролем. Он стал специалистом по проникновению в те щели, которые образовывались на теле общества. Балансируя, сумел |разграбить обе стороны. Он прекрасно понял, что мелкая торговля на местах не даст той максимальной прибыли, которую можно извлечь из длительной караванной торговли. Одним из основных правил его профессии стало то, что он буквально нюхом чувствовал прибыльные сферы. Было бы поучительно охарактеризовать его акции как стратегическое пиратство в прибыльных сферах. Когда говорят о том, что у капитала нет родины, подчеркивают вышеуказанные реалии.

Можно сказать, что, если город-рынок-торговля предвосхитили капиталиста, почему он не объявил о своей победе в этих местах гораздо раньше? Тут необходимо особенно пояснить, что у капитализма как системы нет прямой связи с развитой наукой и технологией. Подобно тому, как успешное рождение капитализма олицетворяется с городом Амстердамом, столь же успешное рождение капитализма могло бы состояться и в городе Урук. Торговцу или владельцу торгового прилавка, вступившим в сговор с властью, гораздо удобнее было бы оставаться владельцами своего хозяйства, а не вступать в игры со всей системой. Однако основная причина может заключаться в том, что жреческая, военная и политическая монополии не давали ему Возможности установить собственную власть. Эти испытанные временем и узаконившиеся в обществе очаги силы могли видеть и лице четвертого очага силы в лице капитализма какую-то опасность, грозящую их существованию, вероятно даже в силу структуры капитализма.

Мы видим, как местами проверялась способность «коварного и сильного человека» играть с системой в качестве четвертой монополии. Но он всегда испытывает при этом поражение. Думаю, что неожиданное исчезновение ряда городов и превращение их в мусор на плодородной географической территории стало возможным именно вследствие такого развития событий. Превращение многих богатых купеческих городов, как ранней шохи, так и Средневековья, в руины может быть обусловлено военно-политическим сопротивлением четвертой монополии (раннего капитализма). Столь раннее исчезновение из истории города Хараппа в индийско-пакистанском регионе (в середине III тысячелетия до н. э. это был очень развитый, богатый, обладающий собственной письменностью город с гармоничной архитектурой) могло стать следствием неравной конкуренции и мятежа против тройной жреческо-военно-политической монополии. Будучи прежде торговой колонией в рамках шумерской цивилизации, вероятно, Хараппа встал на путь мятежа в поисках независимости. Если бы он смог обрести независимость, может быть, ему удалось построить систему амстердамского типа (первый опыт капитализма), поскольку у него не было таких условий, как у жрецов.

Еще более захватывающим является пример Карфагена. Этот город, построенный финикийцами на самом дальнем побережье Средиземного моря в VIII тысячелетии до н. э., полностью специализировался на торговле. Город Карфаген представлял культуру Западного Средиземноморья и Северной Африки и имел промежуточно-транзитное положение географическое расположение. Очевидно, этот город был очень развитым, но у него не оказалось потенциала, позволяющего создать империю, что и стало его слабостью. Помимо того, он оказался препятствием на пути тех, кто хотел создать империю. Не

исключено, что именно в этом и заключался его конфликт с Римом. Расположение на Апеннинском полуострове подвигало его на выход за пределы города-государства, и Рим обладал способностью к установлению республиканского или имперского режима на довольно обширной территории. Единственным условием освобождения Карфагена было создание в противовес испанской и французских монархий той же модели, что позднее создал Амстердам. Иными словами, Карфаген должен был объединить развитый торгово-монополистический характер города с механизмом капиталистического государства на постепенно расширяющемся географическом пространстве, как это было сделано Эмевидами на обширной территории от Испании до Северной Африки. Кроме этого, никаких шансов на освобождение от Римской Республики не было. И у Рима не было никаких шансов, кроме покорения Карфагена, поскольку у него под носом возникла и альтернатива, которая могла бы положить конец его собственному существованию. Как же это напоминает взаимоотношения между Кубой и США! Даже существует знаменитое предание о том, что римские сенаторы перед каждым своим заседанием поднимались и спрашивали друг друга: «Как же решить вопрос Карфагена?»

Пальмира — знаменитый город на востоке Сирии, переживший первый кризис упадка империи во второй половине III столетия н. э., испытал участь аналогичной жертвы Рима. Находясь в Сирии, я часто бывал в этом городе и ощущал волшебную магию и их руин. Крепость, расположенная на окраине хурмового сада, разбитого вокруг источника, бьющего в пустыне, крепостные стены, площадь, храм (знаменитый храм Дельф), здание сената, захоронения на равнине, длинные базарные ряды, многочисленные дворцы — все это осталось от величественной Пальмиры. Этот город обладал всеми качествами, позволившими ему стать чудом искусства камнерезов. Это был город, способный заполнить разум человека.

Значение Пальмиры было обусловлено ее расположением в центре сети торговых путей между Западом и Востоком, Севером и Югом, а также тем, что Пальмира играла роль буферного юрода-государства между Римом и Сасанидской империей. На протяжении многих лет Пальмира разрасталась и обогащалась на почве торговых монополий. Сравнение Пальмиры даже с Амстердамом периода капитализма и современным Нью-Йорком может показаться недостаточным. Речь идет о глобальном характере! Пальмира являлась таким же объектом беспокойности Римской империи, как и Карфаген. История свидетельствует о ю м, что Пальмира в последние периоды своего существования (270-е гг. н. э.) уже не хотела довольствоваться ролью политической силы, основанной на статусе королевства, являющегося сюзереном Рима, и решила стать альтернативой собственно Риму.

Удастся ли Пальмире добиться того, чего не добились Карфаген? Проблема в этом, и совершенно очевидно, что ситуация чревата опасностью. Говорят, что римский император Аврелиан, завоевавший Пальмиру после длительных столкновений, передал город властной царице того периода, Зиновии, в таком виде, в каком он был. Фактически утвердив зависимость Пальмиры от Рима, он отдал город Зиновии в качестве зависимой провинции. Но на обратном пути Аврелиан узнал о том, что завоеванная им Пальмира вновь восстала и требует независимости, и тогда он с большой силой напал на город. В этот раз он оставил на месте Пальмиры одни лишь руины и, не давая городу шансов на возрождение, вернулся в Рим. При этом он взял с собой царицу Зиновию, схваченную на берегу Евфрата при попытке

бегства к Сасанидам. История свидетельствует о том, что скованная Зиновия в роскошных царских одеждах была проведена за колесницей триумфатора Аврелиана на потеху римскому плебсу, как пленница.

Женский язык Рима всегда имел на меня серьезное влияние. После того, как я услышал повествование о царице Зиновии, мне кажется, я понял секрет этого языка. Рим — не просто город на перекрестке всех дорог; это город, в который стекались все цари и царицы, обладавшие мощью. Естественно, то, что со мной произошло (мой наполовину комический и наполовину трагический отъезд в Рим), можно объяснить этим эпизодом истории Рима. Если бы я хорошо усвоил уроки Спартака, святого апостола Павла и Джордано Бруно, ясно, что я был бы гораздо внимательнее. И еще, я должен был лучше прочитать А. Грамши. Эх, социалисты!

Единственным путем освобождения Пальмиры был путь, который позднее прошли Амстердам и Лондон. Пальмира восстала, но не смогла ничего добиться.

Было бы правильно привести в пример Афины античной эпохи. Этот город, ставший детищем морской торговли (500-350 гг. до н. э.), был своеобразной звездой цивилизации своей эпохи. Можно утверждать, что Афины были наиболее развитым городом примитивного капитализма. Крупные частные торговые монополии (негосударственные) решали вопросы на расстоянии сотен миль и километров. Все богатства стекались в Афины. С Восточного Средиземноморья — в Марсель, из Северной Африки — в Македонию, далее через сеть торговых путей Анатолия — Черное море в Афины стекались излишки продукции и деньги. В Афинах была создана философия, ремесло дошло до зародышевой стадии фабрик, на высоте оказалось искусство кораблестроения, присутствовал активный оборот денег. Везде у Афин были свои колонии. Сюда со всех сторон приезжали богатые люди, обладавшие большими деньгами. Впервые Афины обретают космополитический характер. Мое личное мнение заключается в том, что единственным препятствием перед победой капитализма была невозможность сохранения единства в условиях полуостровного положения. Не было проблем с рабочей силой, ведь на рынке рабы стоили дешевле кувшина воды. На той стадии, на которой оказались Афины, у них было два пути: или, выйдя за рамки прежней рабовладельческой структуры, создать национальное государство в масштабе полуострова, становясь, таким образом, прототипом Голландии, или же, будучи побежденной жрецами, полностью утратить свое значение. Спартанское царство, как сухопутная сила, и Персидская империя, распространившая свое влияние из-за моря, более ста лет подряд постоянно наносили удары по Афинам. Но, благодаря своей демократии, этот город постоянно сохранял свое значение. Македонские цари — Филипп и его сын Александр — буквально растерзали когтями Афины и довели до поражения в стратегическом смысле. После 300 г. до н. э. у Афин, оказавшихся перед фактом укрепления Рима и (эллинистических царств Анатолии, не осталось никаких шансов.

Демонстрация примеров протокапитализма в средневековой исламской цивилизации и примеров, созданных на полуострове Индостан, была бы попыткой грубого повторения. Наиболее зачитываемыми явлениями этого периода становятся знаменитые капиталистические города на Апеннинском полуострове. Венеция, Генуя и Флоренция утратили свои шансы на историческое опережение Амстердама и Лондона после того, как

государственные образования испанского, французского и австрийского происхождения, охваченные имперскими амбициями старого стиля, как и в целом на полуострове, лишили каждый из этих городов их господствующего положения.

Итальянские города сделали все необходимое для современного капитализма. Апеннинский полуостров с весомыми финансовыми накоплениями, банками, компаниями, системой кредитования, финансовыми средствами в виде векселей, внутренней и внешней торговлей, мануфактурами, ремесленниками и мастерами во всех сферах, комплексом всей индустриальной продукции того периода, республиканским и имперским опытом, религией и всевозможными течениями в период XIV-XVII вв. представляла собой лабораторию и прототип будущей Европы. Более того, Апеннинский полуостров стал родиной Ренессанса. Это, несомненно, связано передовыми отношениями и историческим наследием с другими географическими регионами Востока. Говорить об Италии той эпохи — все равно, что говорить об исламском Ближнем и Среднем Востоке, о Китае, Индии и даже набравшей обороты Руси. Все капиталы этого географического региона с ненасытным аппетитом переносились на полуостров усилиями торговых монополий всех городов, в первую очередь Венеции, Флоренции и Генуи. Что более важно, процессы урбанизации, проходившие под предводительством итальянских городов впервые в истории Европы в масштабе всей ее географии, способствовали формированию поразительного «центра земли» для накопления капитала. В любом европейском городе можно было увидеть руку итальянского купца. Впрочем, католическая церковь давно уже проложила почву для цивилизации. Ренессанс стал последним конкретным словом в плане завоевания господства.

Единственной причиной того, что Италии не удалось стать Англией и Голландией, оказалось ее географическое положение. Парадоксально, но один и тот же географический фактор способствовал превращению Италии в лидера в сфере городского капитализма, привел страну к колыбели победы капитализма в масштабе полуострова, но так и не дал ей совершить победный шаг. Попытка же привела к невиданным последствиям. Причина предельно ясна. Если бы Италия стала Англией более раннего периода, то, сокрушив короны испанской, французской и австрийской монархий, пытавшихся захватить ее, она оказалась бы второй мировой империей — точь-в-точь как это происходило «следствие второго выступления Рима, но на капиталистической социально-экономической почве. Устремления коронованных особ в отношении итальянских городов предельно ясны. Союз итальянских городов на капиталистической социально-экономической почве стал бы концом империй, и тенденция эта распространилась сначала в масштабе Европы, затем уже по всему миру. Для этого были все возможности, в первую очередь — капитал. Неудача действительно стала синонимом крупного поражения и трехсотлетнего национального отставания.

На мой взгляд, географические причины буквально на волосок отделили Италию от шанса стать вторым Римом. Первому Риму тоже буквально кое-как удалось спастись от уничтожения Войсками Ганнибала, напавшего на него с севера в результате плательного похода. В этот раз с севера нападала сила, равная не одному, а целым сорока Ганнибалам. Стало быть, у Италии никаких шансов не было. Единственным выходом было превращение арабского ислама в религию, утверждаемую мечом, как это было на всем Ближнем и Среднем Востоке. Если бы вместо римского христианства был ислам, или же утверждение католического христианства происходило наряду с его политическим распространением при

помощи меча, ход мировой истории оказался бы совершенно иным. Человек не может не спросить о том, каким бы был финал Рима, не будь христианства, и к чему бы это привело? Что более интересно: какими были бы последствия, если бы султан Мехмет Завоеватель, согласившись на предложение Папы, принял христианство и утверждал его огнем и мечом? История — это не сфера спекуляций, но нельзя отрицать и то, что история постоянно предлагает всевозможные альтернативные варианты. То, чего не могли достичь итальянские города, достигли Амстердам и Лондон в XVI столетии. Причины и следствия этого процесса являются объектом наибольших исследований историков и предметом диссертаций. Эта тема предельно освещена. Причины можно вкратце изложить так:

1. Наиболее слабые сферы всех старых цивилизаций, позже всех дошедшие до Атлантического океана, расположены на окраине северо-западной Европы.
2. Три наиболее мощные силы Европы, коими были французская, австрийская и испанская монархии, вели друг с другом войны за право господствовать на всем континенте.
3. Они не представлялись столь опасными, как итальянские города, и поэтому против них не выставлялась достаточная, объединенная сила.
4. Они препятствовали распространению Реформации в Европе.
5. Географическое расположение на Атлантическом побережье давало им серьезные преимущества во внутренней и внешней торговле.
6. Они переняли всю материальную и духовную культуру итальянских городов.
7. Это были наиболее слабые, с точки зрения материальной и духовной культуры, сферы феодализма.
8. Поскольку не был сформирован феодализм, способный воспрепятствовать капитализации транспорта, земледелия и индустрии, процесс цивилизации, возможно впервые, во многих регионах имел капиталистические черты.

Эти причинные факторы, которых мы могли бы назвать еще больше, тесно связаны с географическим положением. Геостратегия и геополитика действительно требуют наиболее благоприятного положения. Успех стал возможным при объединении географического положения с общественными условиями.

Европа, Азия и даже Африка — это три объединенных континента. Одним из наиболее серьезных утверждений антропологов является то, что до конца последнего ледникового периода Африка была в авангарде цепи «приключений» человечества. Но позднее этот передовой характер географического положения перешел к очень притягательным подножьям Тавра и Загроса, ставшим колыбелью неолитической революции. С 15000 лет до н. э. эти горные подножья подготовили все необходимое для процесса, который позднее станет цивилизацией. Речь идет о материальной и духовной культурной почве. Уместно было бы утверждать, что неолитическая революция является величайшей революцией во всей истории. Воды Тигра и Евфрата не просто способствовали

формированию наиболее плодородной почвы только лишь в дельте реки Халидж, но, благодаря судам и искусству судостроения привнесли в этот регион все культурные ценности. Начав свои первые приключения в мире цивилизации, такие города, как Эриду и Урук, собственно говоря, синтезировали все ценности чудовищного путешествия. Рост продолжался, подобно вбирающему в себя притоки водному потоку, вплоть до священных рек и впадения океан. Происходило это беспрерывно, с нарастающей силой.

Урук не был обычным очагом человеческой культуры — он олицетворял рождения нового чуда. Голос урукской богини Инанны и по сей день является источником легенд, стихов, Песен, и этот голос является голосом величественной культуры. Имеете с тем, это голос женщины, красота которой еще не была запятнана лапами уродливого мужчины. Культура Урука буквально расцвела на данной географической территории. Один за другим, подобно снежному кому, выростали города. Образовался целый пояс городов. «Коварный и сильный человек» на этот раз увидел истинный источник накопления в возрастающем торговом потенциале города. Начался обратный культурный поток и сторону горных подножий. Это оказалось началом процесса сужения и поглощения неолитического пространства городом. Постепенно угасающий голос Инанны — это голос женщины, теряющей свое влияние. Но, в отличие от этого, голос «коварного и сильного человека» уже раздавался все громче и громче. Префиксы шумерского языка относятся к женскому роду, и это обстоятельство свидетельствует о роли женщины в процессе формировании языка.

В данном случае нет необходимости раскрывать суть географических приключений цивилизации, основанной на силе. Но (ныло бы неплохо, если бы об этом написали. Мы ограничимся символическим обозначением того, что этот процесс протекал в форме главного русла и, пройдя тысячи километров среди скал и проблемных территорий, в конце концов, создал новую культуру в Амстердаме и Лондоне, после чего влился в Атлантический океан.

Ясно, что материальная и духовная культура, сформированная в этом географическом регионе в течение всего описываемого времени, под предводительством этих двух городов вынесла капиталистическую экономику и нацию на историческую арену. Эти регионы были среди тех, кто в числе последних достиг стадии неолитической культуры. Мы постоянно видим между географией и культурой наличие следующих отношений: в тех сферах, где старая культура имеет коренной характер, крайне тяжело формируется новая культура. Старая культура не может легко принять новую. Она защищает свои позиции, и это вполне понятно. Единственным пространством, которое не смогла завоевать старая цивилизация, оказались внутренние районы Аравийского полуострова. Эта географическая пустота сформировала социальную географию ислама. Без этого географического фактора не было бы ислама.

Северная Европа и две-три страны (понятие страны в смысле национальных границ в этот период только возникло), Англия и Голландия, с точки зрения старых цивилизаций, были девственными и пустыми землями. Именно с данными особенностями связано то, что любое семя, брошенное в эти земли, способно было озеленить эти вышеупомянутые пространства. Высоки были шансы на глубокое и постоянное укоренение.

Это самое семя капитализма было хорошо посеяно. Оно стало последним наследием урукской культуры, переносимым с одного берега на другой. Проводниками данного наследия всегда были торговцы. Говорят, что торговцы были именно теми людьми, которые лучше всех ощущали наиболее прибыльные сферы. Хочу особо подчеркнуть, что положительной реализации их шансов способствовали своего рода «пограничные» регионы, не нашедшие своего места на заре становления силовых позиций, а также преимущества долгого исторического пути. Протокапитализм укрепил свои шансы на господство, аннексировав все капиталистические открытия итальянских городов и занимаясь пиратскими захватами на путях, открытых силами Испании и Португалии. Они ассимилировали собственный язык. Таких факторов, как междоусобные войны между значительными европейскими силами, предотвращающие внешние угрозы, а также однозначно эффективная экономика как еще один внутренний фактор (дешевая рабочая сила и сырье), было достаточно для того, чтобы к концу XVI века рождение новых элементов на этом географическом пространстве оказалось успешным и вечным.

Эти две силы, различные лишь по форме, создав союз, достигли тех возможностей, позволявших им представлять новую экономику в мировом масштабе. Обновление экономики способствовало обновлению государства, его эволюции в направлении плодотворного и успешного государственного образования. Экономическое превосходство внесло свой вклад в укрепление поенного и политического превосходства. Купеческие монополии, впервые вступив в союз с государственными монополиями (Западно-Индийская и Восточно-Индийская компании), достигли уровня полуофициальных сил. Захватчики цивилизации, всегда прятавшиеся в углах и за монастырскими стенами, превратились в господ, законное положение которых впервые не вызывало никаких споров. Руками королей и королев они нацепили на себя все атрибуты аристократии. Подобно тому, как в свое время у урукского льва не было сил противостоять Гильгамешу, последние наследники этого льва, коими стали Амстердам и Лондон (не будем называть их львами), похоже, тоже не в состоянии противостоять натиску хищников. Если даже им удастся как-то выстоять, то их нетрудно задуть так, как в свое время Гильгамеш задушил льва.

Эпос, озвучивающий войну, в которую вступила богиня Инанна с первым богом в образе хитрого и жестокого мужчины, коим был страж города Эриду Энки, в целях возврата украденных коварным Энки ее 99 женских изобретений «ме» в виде произведений искусства, по существу, стал первым и наиболее значительным эпосом. Что касается английских и нидерландских королей, которые считаются наследницами культа Инанны, то их формирование в качестве символических фигур, олицетворяющих отражение на женской судьбе чуть ли не всех уродливых черт характера «коварного и сильного мужчины», становится кратким изложением всех приключений цивилизации.

1.5. Общественно-исторические цивилизации и капитализм

Рассуждая о встречной роли капиталистического сектора в формировании общества, мы фактически демонстрируем более конкретный подход к проблеме общественных формаций. Я хочу ответить на следующий вопрос: является ли капиталистическая общественно-экономическая формация общественно-исторической необходимостью? В качестве ответа скажу, что данная часть моей Защитной речи свидетельствует об отсутствии подобного рода общественно-исторической необходимости. Глубокой ошибкой и заблуждением марксистского толкования исторического материализма заключается в утверждении о наличии такой необходимости. Более ужасающим является то, что поочередное выстраивание общественных формаций, представление идеализма Гегеля под маркой материализма не содержат в себе ничего иного, кроме второстепенной производной. Э. Кант смущенно пытался выделить роль субъекта против такого рода мировоззрения, касающегося объективного развития, следовательно, утверждает нравственность в роли свободы выбора. С точки зрения этики свободы марксизм отстает от философии Канга. Говорить о каких-либо других правых либеральных мировоззрениях вообще бессмысленно. Они считают капитализм не просто необходимостью, а чуть ли не последним словом истории.

До тех пор, пока не будет раскрыта и разоблачена внутренняя суть капиталистических определений, которые гораздо опаснее религии и основаны на являющемся самой консервативной религией позитивизме, свобода выбора не получит никаких шансов. Впрочем, двухсотлетняя история утопического социализма и социалистического строя свидетельствует о том, что социализм оказался главной поддержкой капитализма слева и так и не смог выйти за пределы этих функций. Вопрос намного сложнее выяснений, где совершена ошибка. Ошибочна сама парадигма. Даже наличие двух-трех дифференцирующих ошибок или верных предположений не меняет результата этой точки зрения. Прямолинейный подход к истории приводит к тому, что все последовательные формы воспринимаются как нечто, написанное и Махфузе (давно уже предопределенное на уровне Господа), и осуществляется в свой черед. Даже тривиальные дискуссии общего характера о воле, распространенные в эпоху Средневековья, выше подобного рода позитивистско-материалистических подходов. Определяющим фактором поражений, понесенных борьбой за социализм, стал этот парадигматический подход к обществу.

Ясно, что все определения, данные мной в предыдущих планах, совершенно не имеют никакого отношения к этим принципам. Что уж говорить о представлении капитализма как обязательной социальной стадии! Проблема в том, что такой подход, умышленно или неумышленно, находится под воздействием этой системы, являясь орудием его пропаганды. Скажу сначала то, что я должен был сказать в финале. Капитализм не может являться общественной формацией. Он пытается влиять на общество, ему это удастся, но формацией быть он не может. Тем не менее, кто-то может возразить, что капитализм уже четыре столетия господствует как единственная формация. Но господствовать — это одно, а быть формацией — это совершенно другое. История знает общественные формации или стили: это первобытнообщинный строй, классовое государство или цивилизованное общество и демократическое плюралистическое общество. Такие схематические авангардистские термины, как «первобытное», «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» и «социалистическое» общества, в большинстве своем носят догматический характер. Иными словами, это проявление идеализма и фатализма. Что очень важно понять: в моем определении три типа общества не могут следовать один за другим по прямой линии. Это, скорее, ближе к углубляющейся и расширяющейся системе, развивающейся по спирали. Принимая ее диалектическую цепь развития, я, тем не менее, хочу открыто заявить, что считаю крайне неверным утверждение о том, что прогресс происходит путем ликвидации одной формации другой. Методы, построенные на принципе «тезис-антитезис-синтез», могут стать удобным логическим средством для раскрытия действий в основе мироздания. Но очень богатый диалектический стиль и понимание связи, допускающие разнообразие, признающие взаимный рост (симбиотическая связь), гораздо ближе к диалектической функциональности природы или имеют пояснительный характер.

Необходимо не забывать и осознавать, что основное и Вселенское значение имеют дилеммы, допускающие образование во вселенной целой системы, от мельчайших частиц до целых образований на космическом уровне, а также стиль зарождения, основанный на взаимоотношениях и взаимовлиянии этих уровней, несущий в себе оба уровня, но осознающий разницу между ними. В основе всех различий и развития можно видеть образования такого типа.

Общество не стоит особняком, вдали от этого стиля образования. Оно обладает языком формирования того же стиля. Собственно говоря, оно постоянно создает дилеммы. Общество способствует возникновению новых различий, два из которых таит в себе. Именно такое восприятие диалектики в различиях и развитии обществ поможет нам лучше освоить конкретику. Вооружившись этим диалектическим мировоззрением в отношении самых мелких социальных ячеек и слившихся воедино образованиях, мы поймем, что наши возможности восприятия и толкования стимулируют развитие наших человеческих особенностей (потенциал свободного человека). Мы можем развивать ответственную свободную личность, конкретизируя общество в личности, но более того, мы можем сделать свободным общество, испытавшее влияние свободной личности. Возможности освобождения обладают наилучшим потенциалом равенства и демократизации.

Должен еще раз подчеркнуть, что, выявляя тройную динамику социальной действительности, я совсем не ищу никаких открытий. Я всего лишь стараюсь адаптировать на общество динамику вселенских образований. На вопрос почему тройная динамика я

ответу, что основой всего является БЫТИЕ. Если существование, как проблема, требует ответа, отчего тогда надо перейти к утверждению о существовании. Однако бытие, на мой взгляд, несомненно. Не будь жизни, не было бы необходимости в этих вопросах и ответах, ибо несуществующее не может иметь в ней места. Там, где ничего нет, речь идет только о невозможности образования чего-либо, стало быть, ни о чем, а это и есть то, что можно назвать глупостью.

Если принять факт бытия, то имеет смысл говорить о форме возникновения. Смысл жизни, полное развитие сознания дают ощущение того, что различия и развитие основаны на процессе возникновения. На этой основе в таких категориях мышления, как мифы, религия, философия и наука, был сформирован величественный свод правил. Во всяком случае, нельзя отрицать существование этого свода правил. Все они в основе хотели дать ответ на процесс возникновения. В этих условиях одни обратили свои взоры на мифологические, другие на религиозные методы, но этого оказалось недостаточно: для спасения хватало философской и научной категорий. Их дееспособность схожа, но ответы разные. Задавались вопросы о причинах, способах и целях возникновения, и выяснилось, что каждая категория старается дать ответ в рамках своей дисциплины. Наука, как самая претенциозная дисциплина, в значительной степени осветила тройную динамику возникновения. При перенесении механики «материя-энергия» и «частица-волна» на квантовый уровень (и теоретически, и экспериментально) было установлено, что дилемма способствует всем формам возникновения, финал является продолжением следов порожденной им дилеммы (поток «материя-энергия» и «частица-волна» обладают вселенским характером) по формуле «два и третьем», и так обнаруживает дифференциацию, а преобразования осуществляются в форме прогресса или регресса. Тем самым подтверждается, что основная характеристика динамики бытия является именно такой. Нет никакой необходимости в повторных доказательствах.

Обратим внимание на самих себя. Ребенок обнаруживает большое сходство с матерью и отцом, продолжая наследственную линию обоих родителей, но, вместе с тем, является новым образованием, представляющим этот генетический уклад в развитии (эта дифференциация развивается очень медленно; в принципе, такой характер дифференциации обнаруживается во всех явлениях природы). Можно считать это частицей возникновения. Зарождение только в такой форме, по сути, завоевывает победу в борьбе за бытие. Что такое борьба за существование? Как можно продолжать жизнедеятельность? Бытие является продолжением жизнедеятельности путем изменений. Почему? Может быть, для того чтобы доказать свое существование. Для того, чтобы, меняясь, созерцать божественный и величественный характер бытия!

Глупость заключается в следующем: отчего мы так отдалились или были отдалены от реальной истины, когда надо было продемонстрировать здоровую логику, наблюдая наиболее близкие нам образования?

Только пролив свет на эту чушь, придем к решению основной задачи. Я говорю о сетях и вуалях, которые с момента зарождения накрывают собой функциональный характер социального явления. Отчего же общественный характер бытия испытал потребность в каком-то прикрытии? Почему в результате этих процессов мышление разделилось на

чувственное и аналитическое? В чем заключаются их функции? Ответы, которые мы дадим, помогут нам разобраться в нашем обществе и изменить ее так, как мы того захотим. Человек как субъект — это субстанция, ценность которой заключается в том, что его можно РАСТОЛКОВАТЬ И ИЗМЕНИТЬ В ЛЮБОЙ ФОРМЕ. Насколько толкование и желание (другими словами, размышление и ощущение, желание) совпадут с динамикой возникновения, настолько высокими будут шансы на успех нового явления. Чем дальше это окажется от баланса, тем больше консервативности и отставания будет наблюдаться в общественной картине. Развитие чувственного и аналитического мышления происходит вокруг этих проблем.

На этом завершим эту часть рассуждений, тяготеющих к философии. Я постараюсь глубже раскрыть эту тему в «Социологии Свободы».

Социум, называемый нами кланом, безусловно, не являлся стабильным образованием. Развитие отличий вида (от других человекообразных приматов) означает развитие кланового сообщества. Основная задача клана заключается в сохранении собственной жизнедеятельности. В целом проблема любого общества (сообщества миллионов обществ) — это, прежде всего, продлить свое существование, остаться в живых. Задача заключается в защите от сил, стремящихся разрушить его общественный уклад. У всех обществ всегда и везде существуют такие проблемы. Эта защита сводится к сохранению жизни в форме защиты против различных опасностей, порой — в рискованной ситуации. Иногда формируется благоприятная, симбиотическая обстановка, дающая возможность взаимного развития. Тогда в данном конкретном месте набирает обороты позитивный процесс, вид обогащается материальной и духовной культурой общины или племени. Если в спиралевидной форме отобразить дилемму «я и прочие», относящуюся к социологическим понятиям последнего времени, то окажется, что «я» переходит на позиции защиты от «прочих», являющихся источником опасности и риска. Или «я» побеждает противника и продолжает свое развитие, или останется в подвешенном состоянии, сохраняет свою жизнь, но развитие его задерживается. Однако возможно и такое развитие событий: «я» терпит поражение и, в зависимости от степени своего поражения, полностью или частично теряет существование. В таком случае «я» перестает быть самим собой, становясь объектом другой субстанции, или же, будучи ассимилированным, «я» продолжает свое существование уже как совершенно другой человек. Так формируются категории, называемые извращенными или деградированными субстанциями.

Говоря конкретно, борьба общества за выживание происходит на более примитивной стадии образования. При этом, с одной стороны, общество оберегает себя оттого, чтобы не стать жертвой хищных зверей, с другой стороны, имеет место борьба против естественных условий в целях спасения в условиях неблагоприятных климатических условий, недостатка пищи и болезней. Если опасность угрожает жизни, то благоприятные условия способствуют ее положительному развитию. Пусть и в ограниченной форме, но нами освещены основные звенья этого приключения, (большая часть которого прошла в Африке, а последние — примерно миллион лет в Европе и Азии. Эти сообщества, похожие друг на друга, еще не развившие символический стиль общения, численностью не более ста человек, формировались вокруг личности матери-женщины, что происходило преимущественно под воздействием биологических особенностей, но не без влияния общественной практики.

Даже окончания женского рода, характерные для первых языков, подтверждают эту истину. Нельзя игнорировать материнскую ориентацию общества. Важно видеть в лице матери-женщины не только вождя, властную личность, но, прежде всего, естественную руководящую силу, обладающую жизненным опытом и воспитывающую детей. В условиях поселений, похожих на ранние домашние очаги, еще больше возростала притягательность матери-женщины как хранительницы этого очага.

Понятие «отцовство» — это комплекс социальных взаимоотношений, возникший намного позднее, и на протяжении длительных периодов общество не знало этого понятия. Только с развитием таких понятий, как «институт наследства» и «система собственности», понятие «отцовство» стало развиваться в связи с патриархатом. Принадлежность детей и статус брата матери, то есть дяди, являются более ранними понятиями. Формами удовлетворения материальных потребностей были собирательство и, в ограниченной степени, охота. Наиболее значительным жизненным аргументом стал статус члена клана. С большой долей вероятности можно предполагать, что изгнание из клана или изоляция чаще всего оборачивались смертью. Стоило бы рассматривать клан как ядро здорового общества — это истинная форма социума.

Мы часто говорили о том, что после долгих этапов развития, а также в силу благоприятного географического положения был осуществлен переход к неолитическому обществу, причем главное русло этого прогрессивного течения пролегалo в благоприятных условиях подножий Тавро-Загросской горной системы. Мы много говорили о том, что этот этап можно считать вершиной матриархального общества, а также то, что он породил возможность производства излишков продукта. На этой стадии, зачастую называемой социальными науками первобытным обществом, ранним и поздним каменным веком, первобытнообщинным строем, имела место серия этапов, которые, на мой взгляд, имело смысл называть матриархальным обществом. Это и есть та самая стадия, которая занимает почти девяносто девять процентов всего срока жизнедеятельности человеческого общества. Нельзя преуменьшать значение этого фактора. Нетрудно понять, что на фоне накопления излишков продукта и других культурных ценностей и недрах матриархального общества вокруг женщины бездарно болтался «коварный и сильный мужчина», набиравший влияние в общине благодаря случаям удачной охоты и последовательно искавший пути установления господства над этой общественной системой. Многие антропологические данные и археологические находки, наблюдения, споры и взгляды считают это вероятным.

Мы также много говорили о формировании патриархального общества главным образом в результате установления власти в форме симбиоза жреца, правителя и военачальника. Правильнее всего было бы искать прототип новой формы общества именно и этом процессе. Говоря о новом социуме, мы подразумеваем формирование внутри клана иной иерархической структуры. Это расслоение приняло конкретные формы благодаря тому, что иерархия способствовала стойкому процессу классового расслоения и организации типа государственности. Ясно, что общество, познавшее классы и государство, стало качественно иным. Основопологающей динамикой этих перемен является то, что излишки продукта перестали дарить другим и, превратив в обменный товар, вынесли на рынок, где товар стал предметом торговли. Классовое расслоение и стремление к огосударствлению обретает более четкий характер тогда, когда в качестве стойкого элемента общество

укореняется тройственная сила «рынок-город-торговля». Не буду повторяться, поскольку мы часто разрабатывали вопрос о том, как протекал этот процесс в рамках категорий времени и места. Различные социологические школы, в силу разнообразного понимания, стараются наделить это общество такими эпитетами, как «классовое общество», «городское общество», «эстатическое общество», «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» общество. Но поскольку классовость, урбанизация и государственность обладают более конкретными и устойчивыми особенностями, на мой взгляд, правильнее было бы называть общество, соответствующее содержанию процессов «цивилизации» и «культурного становления», не иначе как «цивилизованное общество», или просто кратко «цивилизация».

Но не следует забывать, что под словом «цивилизация» мы, с точки зрения общественной этики, имеем в виду отнюдь не возвышение или развитие, а главным образом упадок и давление. Цивилизованный социум, согласно суждениям в рамках старых общинно-матриархальных ценностей, то есть в рамках понимания нравственности, считается ужасающим упадком. В наиболее древнем из известных нам языков — в шумерском языке — эта связь передается очень ярко и значительно. Так, слово «амарги» в шумерском языке означало одновременно «мать», «свобода» и «природа». Синонимия, выстроенная в языке между такими понятиями, как мать, свобода и природа, является очень ярким показателем правильного понимания сути. Шумерское общество, первым познавшее смысл цивилизации, этим самым словом «амарги» выражало свою ностальгию по не очень далекому прошлому, когда процветал культ старого или общинно-матриархального социума. Этот общественный хаос можно проследить на оригинальном примере Шумера — это очень захватывающе и поучительно.

Отражение во взаимоотношениях между женщиной и мужчиной дисбаланса, обернувшегося против женщины, можно наблюдать на примере первого эпического опыта, поостренного на диалогах Инанны и Энки (богиня Урука и бог Эриду, охранявшие, по преданию, свои города). Этот эпос, предшествовавший эпосу о Гильгамеше, раскрывает спор между общинно-матриархальной системой или обществом, с одной стороны, и иерархически-патриархальным обществом (переходным к цивилизации), с другой стороны. Здесь конкретно осознается то, что процесс протекал в крайне несправедливой форме, в условиях ожесточенной борьбы. Исторические данные предоставляют нам касающиеся процесса аргументы, причем сам процесс мы могли бы назвать примитивной демократией на ранних этапах шумерского общества. Совет старейшин тогда еще не был превращен в патриархальную систему. Оживленные споры являются своего рода признаками демократии. Пока еще не были сформированы понятия из области божественных заповедей типа приказа (по сути, это можно назвать принципом односторонней военно-деспотической системы, исходящей от «коварного и сильного человека», надевшего на себя маску). Кстати, стиль повествования в эпосе об Инанне очень живой и раскрывает сущность явлений, имевших место в обществе, а точнее — несправедливости, бедствий, выпавших на долю женщины, ее достижений и ею рожденных детей. Если бы было достаточное количество письменных документов, то с большой долей вероятности можно было бы увидеть и понять, что шумерское общество того периода находилось на переходной стадии, которая по своим характерным признакам опережала даже афинскую демократию (в сущности, демократию рабовладельческого класса).

Теоретически можно установить, что переход к цивилизованному обществу был тесно сопряжен с переходом к демократическому обществу. Резкая полемика, имевшая место в первых советах старейшин, стала, собственно говоря, первыми шагами, начальным отражением демократического социума. На этой стадии всех обществ можно наблюдать аналогичную дилемму: это дилемма между демократичным обществом и обществом цивилизованным. В более понятной и конкретной форме речь идет о дилемме между государством и демократией. Проблема демократии стоит везде, где есть государство. Вместе с тем, во всех сферах, где есть демократия, присутствует риск этатизации. Подобно тому, как демократия не является формой государственности, неверным является представление о демократическом государстве. Нужно очень внимательно отнестись к характеру связей между этими двумя институтами.

Именно это стало той самой дилеммой, которая на протяжении всей истории была объектом различных манипуляций. Вопрос о том, что именно развивается (в недрах старого общества), демократия, или государство, способствовал возникновению массы заблуждений и споров. Это свидетельствует о том, что оба процесса протекали в тесном переплетении, с полемикой, противоречиями и в воинственной форме. Например, очень захватывающий и конкретный характер носили дискуссии и конфликты, касающиеся демократии-республики и султаната в исламской действительности, которую мы знаем лучше всего. Договор пророка Мухаммеда с Мединой кажется похожим на теорию общественного договора Ж.Ж. Руссо. Это можно ясно видеть как в самом Коране, так и в хадисах. Но крайне усилившаяся родоплеменная аристократия, в частности, иерархическая система племени курейшиты, откровенно стремилась к созданию султаната по типу Византии и Сасанидов. Этот спор шел еще во времена пророка Мухаммеда. Кстати, еще один смысловой аспект спора между Меккой и Мединой сводился к вопросу, какой быть новой системе — джамахирией (в переводе с арабского означает «демократия народа») или султанатом (монархией, наследуемой сыном от отца). Этот конфликтный процесс, начавшийся с бегства пророка Мухаммеда из Мекки (610 г. н. э.), закончился убийством в 661 г. пророка Али в Куфе, где и по сей день имеет место аналогичное по агрессивности противостояние. В итоге этого пятидесятилетнего спора победила племя муавитов. Очень сильная в те времена родовая иерархическая система не признавала никаких шансов за республикой, точнее, за ранней демократией. Социологическое исследование ислама с этой точки зрения дало бы очень интересные и захватывающие результаты!

Другим захватывающим историческим примером является создание Персидской империи в Иране. После длительных стычек и конфликтов персы смогли превратить наследие Мидийской конфедерации в империю. Определяющую роль в этом сыграла монархия Ахеменидов. Существует много показателей грозного периода, прошедшего под предводительством мидийских жрецов с 560 по 520 гг. до н. э.. Ярким примером тому является лживый Камбис. Дело в том, что структура предшествовавшей Мидийской конфедерации является примером ранней демократии. «История» Геродота дает интересные пояснения по этой теме.

Еще одним хорошо известным примером является Афинская демократия. Что же это были за войны, которые она вела с царством Спарта или с персами и македонянами — войны за демократию, империю или царство? Пусть в примитивной форме и на классовой почве, но

там уже имели место дискуссии и споры на тему, демократическое ли общество в Афинах, или цивилизованное общество. Споры по поводу республики и империи, не утихавшие в Риме, свидетельствуют о том, что эти распри могли стать причиной гибели ряда знаменитых личностей, в первую очередь, Цезаря. Следовательно, в Риме уже существовала грозное, воинствующее противоборство. Эти примеры можно было бы продолжить. Более того, чтобы удержать на высоте наш интерес к теме и развить глубину понимания, можно охарактеризовать с этой точки зрения Великую Французскую революцию и Великую Октябрьскую революцию в России.

Французская революция 1789 года была развернута против абсолютной монархии и завершилась созданием республики (радикальной общественной демократии). Эта революция прошла очень тяжелый этап революционного террора, после Триумvirата найдя продолжение уже в империи Наполеона. После различных переходных этапов было объявлено пять республик. Шестая находится на стадии дискуссий.

В Великой Октябрьской революции 1917 года прорыв был совершен путем создания более радикальной демократии (период Советской власти). В Гражданскую войну страна познала революционную диктатуру, в сталинский период диктатура укоренилась. В 1989 году, в год двухсотлетия Великой Французской революции Россия вернулась к демократии, которую стремится развить и по сей день. В период современного капитализма на арену почти ежегодно выходят сотни аналогичных примеров.

Эти пояснения с подробными примерами я привел в целях отражения противоречивой, напряженной и конфликтной сферы между двумя клубками взаимоотношений, коими являются цивилизация и демократия.

Важнейшим обстоятельством, требующим особого внимания, становятся то, что оба новых образования стремятся обустроить свое существование на почве коммуны. Как мы уже выяснили, коммуна — это та «материнская клетка», которая продолжает свое существование и по сей день, присутствует в тканевых структурах всех обществ и, несомненно, будет иметь фундаментальное значение до последних дней человечества, без которого жизнь просто немыслима. Подобно тому, как материнские клетки проводят корректировку, а при необходимости и реставрацию различных тканей организма, так и матриархальная община-коммуна в аналогичном стиле продолжает свое существование во всех обществах, где присутствует дилемма. Я часто подчеркиваю, что коммуна, пусть и в состоянии противоречия, напряженности, порой в согласии, присутствует в жизнедеятельности демократического и цивилизованного обществ, родившихся из его плоти, оно никогда не исчезало и не исчезнет, и настойчивое акцентирование мной внимания на этом вопросе имеет под собой серьезную основу, причины и следствия. По мере необходимости и уместности я буду регулярно освещать эту тему.

Мои рассуждения о противостоянии между демократическим и цивилизованным обществами совсем не исключает возможности достижения ими взаимного согласия. Напротив, согласие между этими двумя обществами важнее всего. Точнее, так должно было быть. Основная причина здесь заключается в том, что демократическое и цивилизованное общества не могут существовать друг без друга — как следствие диалектического

понимания того, что формации не уничтожают друг друга. Существование одной формации возможно благодаря существованию другой. Как я уже подчеркивал, исход демократии и цивилизации обусловлен единой матриархальной общиной-коммуной. Если демократия полагается на подавленное большинство населения, ставшее жертвой предательства, гнета и эксплуатации высших иерархических слоев, то цивилизация берет за основу, скорее всего, те слои общества, которые продолжают политику гнета и эксплуатации, идеологическую гегемонию высших слоев общества. Естественно, эти слои не так легко оторвать друг от друга и от их материнского лона — коммуны. Они развиваются в тесной связи, но различия между ними сильно развиты.

Здесь стоило бы рассмотреть в целом понятие общества. Более того, это надо сделать путем частых напоминаний и доведения до сведений. Сообщества должны восприниматься как единство тысячи типов переплетенных между собой отношений и противоречий, напряженности, религиозности, противостояния и солидарности, характерных для классового расслоения, тысяч групп внутри каждого класса, миллионов семей, всех видов сообществ, не дошедших до уровня классов, сопротивляющихся классовому расслоению, единиц, вместо глобализации стремящихся, напротив, к локализации, религий, языков, политики, экономики, родоплеменных сообществ, наций, международных связей, хаоса и систематичности. По мере того, как демократия и государство дополняют друг друга в условиях этого невероятного хаоса, формируется общественная система, близкая к миру. Состояние полнейшего мира возможно только при отсутствии государственности, но если теоретически это возможно, то практически мы еще очень далеки от возможности осуществить это.

Длительный период демократической жизнедеятельности, охватывающий все общество, даже государственное, может принести только к всеобщему миру. Можно говорить о мире, как о процессе без какого-либо противостояния, основанном на балансе сил (государственных и демократических сил), действующих на конкретный исторический момент. Если демократия захочет полностью проглотить государство, то в данный исторический момент, скорее всего, могут выявиться хаотические особенности. Об этом свидетельствует опыт многих стран. Если государство постоянно игнорирует демократию, то формируются деспотические, диктаторские системы, но на данный исторический момент их следствием является хаос. Цивилизация, называемая также историческим процессом, продолжается примерно пять тысячелетий. Демократия имела шанс на более ограниченный срок жизнедеятельности, но общество, подавляюще большинство и многие социальные группы ждали только демократии. Они боролись за демократию. Не исключено, что даже по истечении тысячелетий, пусть даже не в этой форме, государства и демократии продолжат свою жизнедеятельность в тесном переплетении, как единый вид.

Проблема заключается в том, что необходимо не только отделять друг от друга государство и демократию, но и привязывать их к систематическим правилам по принципу эффективности, или хотя бы, по меньшей мере, с точки зрения их связи, не предусматривающей взаимного отрицания. Не исключено, что возникнет необходимость в принятии конституций совершенно новой формы. Утверждения о тесной связи между существующим государством и демократией являются полным обманом. Тут уместен следующий пример: пытаюсь скрыть недостатки друг друга, они прикрывают проблемные

места фиговыми листочками. До тех пор, пока не будет преодолена такая ситуация, не может быть никакой конкретной дискуссии по поводу государства и демократии. Самые современные революции, коими являются Великая Французская и Великая Октябрьская революция, не только не достигли развития и конкретики в этом вопросе, но и попросту усугубили хаос. Крайне необходимо, чтобы политическая теория полностью определила содержание и формы демократии, не отрицающей необходимости государства (иными словами, не стремящейся влиться в струю государственности, но и не считающей государство препятствием, которое следует немедленно устранить). Только в связи с государством, готовым, по меньшей мере, к демократическим преобразованиям (не подменяет собой демократию и не запрещает ее). Действительно, есть необходимость в теории, но именно в такой теории, которая могла бы ответить на вопросы, возникающие в хаосе практической действительности. Я верю в то, что возможно сосуществование государства и демократии в обстановке минимальных взаимных противоречий и стремления к взаимному обогащению, более того, я верю в необходимость развития на этой основе самой сильной политической версии. Существующие государства, в сущности, не признают демократии. В принципе, государства — это ленивые и чудовищно громоздкие образования. Что касается демократий, то они, как карикатуры на государства, искажены в своей сути и недееспособны. Не вызывает никаких сомнений то, что именно этот вопрос является главным в политической философии и практике.

Повторюсь, эти обстоятельства, содержащие в себе массу нового, я в более широкой форме раскрою в книге «Социология Свободы».

Я понимаю, что изложил парадигму, отличную от традиционных либеральных и социалистических парадигм, выстроил главные теоретические рамки проблемы. В дальнейшем постараюсь обогатить ее содержание. Эти схематические рамки прочерчены для того, чтобы объяснить, куда и как я готов «разместить» капитализм, как «общественную формацию». Ясно, что я не считаю капитализм чисто экономической формацией, но я также не считаю его и общественной формацией.

В первую очередь, постараемся рассмотреть взаимоотношения, называемые капиталистической экономикой, в ракурсе единого цивилизованного общества. Необходимо хорошо осознать и усвоить то, что капиталистическая экономика зиждется на рыночных взаимоотношениях и конкуренции, порождаемой процессом превращения в товар, который иногда называют экономикой обмена, на монополистической прибыли, извлекаемой путем манипуляции разницей цен в различных регионах. И рамках этого определения надо также понять, что капиталистическая экономика, по существу, не является тем сектором, который создает обменную стоимость. Она связана с очень незначительной частью общей экономической жизнедеятельности. Но в силу стратегического положения это — незначительность, способствующая определению конкретности, совокупность обменной стоимости, накапливаемой в огромном количестве в руках узкой группы людей. Одним словом, у капиталистической экономики есть стратегическое превосходство, выраженное в ее умении манипулировать и спросом, и потребностью. Не стоит забывать, что этого преимущества не было даже у государств, существовавших на тот момент. Интерес представляет рождение этого преимущества и стиль его использования. Так или иначе, мы понимаем причину его рождения. Но поскольку использование основывается на постоянном

накоплении капитала, оно более чем поразительно и способно перевернуть общество. Называть его революционным означает совершить предательство по отношению к обществу, в особенности, если речь идет об исторически-демократическом обществе!

Когда же политэкономия признает тот факт, что использование капитала путем его увеличения (знаменитый закон о прибыли, который супермены от экономики продвигают вперед, воспользовавшись «священным» именем закона) — это ничто иное, как грабеж, совершаемый в утонченной форме? Почему я не называю «коварного и сильного человека» капиталистом? Потому что он берет прибыль силой и войной. Естественно, мы не забываем того, что война — это капкан. Она не испытывает потребности в праве, ей не надо вводить кого-то в заблуждение путем навязывания религиозных догм, облачать в различные одеяния. Достаточно передать право капиталистическом экономики: предшествовавшие капитализму взаимоотношения между государством и экономикой основывались на применении силы. Право иерархии на существующие традиции допускали возможность открытого захвата и присвоения чужого имущества, поскольку вера, к которой они были причастны, считала, что имущество иноверца может быть захвачено, и в этом нет никакого греха. Это означает «коварный и сильный человек» уже становился государством. Капиталистическая экономика в этом пункте отличается от классического государства. Я не говорю, что она вступает с ним в противоречия. Когда же на развитой стадии цивилизованного общества грабительство в виде трофеев перестает быть эффективным, над этим сектором, образно говоря, «всходит солнце». Впрочем, это различие выявляется тогда, когда оно вступает в действие именно в тот момент и в рамках тех процессов, при которых рабовладельческое и феодальное государство перестают быть эффективными (когда перестает оказывать воздействие право на открытую аннексию, право на трофеи, что можно назвать грабежом; все соки общества буквально выжимаются, и оно оказывается на грани невозможности производства излишков продукта). Тогда она прибегает ко всем атрибутам новой экономической системы.

Монополия рабовладельческого государства на первых порах Пыла очень плодотворной. Это видно, если обратить взоры на пирамиды фараонов, руины греко-римских городов. Капиталистический сектор в тот период уже существовал, но был очень ограничен. Эффективность государственного сектора не давало шансов на развитие или предоставляла мизерные шансы. По мере того, как рабовладельческая система теряла свою эффективность, наблюдалось распространение феодальной системы труда. Рассмотрение вопроса о том, почему рабовладельческая цивилизация перестала быть эффективной, не входит в предмет нашего данного исследования. Остановимся на том, что эта цивилизация в силу своих взглядов на труд и жизнь, просуществовавших очень долгое время (4000-500 г.г. до н. э.), распространения на широких территориях, огромных расходов, истощения запасов, территорий и людских ресурсов, которые рабовладельческая цивилизация присваивала силой и порабощением, распалась вследствие тысячи внутренних и внешних выступлений и восстаний демократического и освободительного характера.

Построенное на его месте цивилизованное общество, представленное преимущественно в лице исламского Ближнего и Среднего Востока и христианской Европы, в сравнении с греко-римской, а также шумерской и египетской цивилизациями, чьим наследником оно стало, основывалось на совершенно другом стиле узаконения и эксплуатации. На фоне серьезных

легальных возможностей, предоставленных двумя упомянутыми религиями, а также благодаря более свободному положению крепостного крестьянина в сравнении с рабом, цивилизованное общество сумело обновиться. Несомненно, христианство, служившее надеждой неимущих слоев на протяжении трехсот лет, борьба за равенство и свободу, проходившие в недрах ислама под прикрытием различных сект и течений и, следовательно, усилия и поиски демократического общества сыграли главную роль в том, что цивилизация стала обновленной и мобильной. Это состояние отнюдь не связано с величиной или широким развитием цивилизации, как пытаются утверждать идеологи цивилизации. Даже если и есть определенные достижения, то этой стадии цивилизация достигла их благодаря остаточному влиянию прежней общинной системы, структуры родов, бегству рабов от своих хозяев и тысячам выступлений и восстаний неимущих слоев.

Обновление традиции гнета и эксплуатации в цивилизованном обществе, осуществленное при помощи новых средств узаконения, привело к обновлению его основных средств, коими являлись классы, города и государства. В новой обстановке, где фигурировали такие социальные пары, как крепостной крестьянин и сеньор, город и рынок, государство и раб, значительно облегчилось обновление капиталистических элементов. Города, развивающиеся вокруг рынков на всем протяжении от Китая до Атлантического побережья, принесли с собой ускорение процесса производства товара, а также углубление и расширение их обмена. Разница в ценах между рынками обеспечил невиданный рост прибыли торговцев-монополистов. Впервые города смогли сохранить баланс в отношении сельской местности. Исламская цивилизация, сформировавшаяся между Дальним Востоком и Европой, была в определенном смысле торговой цивилизацией. В этом смысле она смогла дать Европе все, что было необходимо. Прочие фундаментальные средства цивилизации, например, материальная и духовная культура, были представлены еще с древних времен. Трансферт урбанизации, классовой культуры и государственности завершился с приходом ислама. Ставную роль в этом, несомненно, сыграли арабы и евреи. Все те дела, которые в античную эпоху оставили незавершенными греки и римляне, завершили арабские и еврейские мудрецы, ремесленники и торговцы.

Единственным значительным недостатком цивилизации Ближнего и Среднего Востока стало то, что капиталистический сектор не смог сыграть главную роль в масштабе всей страны, преодолев влияние городов. Ближнему и Среднему Востоку не удалось сделать того, что позднее сделали Амстердам и Лондон, и главную роль в этом сыграла централизованная деспотическая авторитарная власть, оказавшаяся гораздо жестче абсолютистских режимов Европы. Политические образования в Китае и Индии обладали еще более жестким эксплуататорским характером, нежели ближневосточные султанаты. Япония частично осталась в рамках феодального политического образования европейского стиля.

К XVI столетию у древних азиатских цивилизаций уже не осталось и пяди земли, не подвергшейся натиску захватчиков. Доходы Чингисхана и Тимура и последующие переселения тюркских племен всего лишь освежили кровь в регионе и предоставили им новые возможности. Все, что могло произойти, происходило и Европе, которая больше напоминала полуостров на западной окраине Азии. Именно Европа стала лабораторией, где формировалась новая цивилизация.

Когда вместе с цивилизацией торговля и капиталистический сектор были перенесены в Европу, там перед ними открылись нетронутые земли. Формировались новые городские структуры и совершенно неопытный «юный» европейский феодализм. Все это нельзя было назвать цивилизацией. То, чего они добились к концу десятого столетия существования христианства, это образование морального и духовного иммунитета. Если бы такая древняя цивилизация, как ближневосточная, сумела выстоять, шансы на развитие капиталистической цивилизации оказались бы в высшей степени спорными. Новые цивилизации зарождаются на нетронутых землях. С позиций развития самих цивилизаций было бы поучительным принять во внимание и эту сторону. Обратив внимание на становление цивилизационного потенциала Европы, замечаем довольно занятную ситуацию вакуума. Так, трудности в продолжении прежнего образа жизни, с одной стороны, и «игрушечная» новизна в лице феодализма, с другой стороны, способствовали просачиванию между ними третьей силы. Например, как бы развивалась история, если бы одна из ветвей арабов, ворвавшихся в Европу через Испанию, османцев, пробравшихся туда через Балканы, или агрессивных племен с юга Сибири, и, наконец, монгольских потоков, создала в Европе империю старого типа? Стало быть, и для Европы шанс является значительным фактором.

Все эти «спекуляции» в отношении цивилизации мы осуществляем для того, чтобы внести ясность в процесс зарождения капиталистического сектора и обретения им характера гегемона. Как видим, нет никакого неизбежного звена в развитии цивилизации. Речь идет о том, что под объединенным влиянием тысячи случайностей группа крупных торговцев-спекулянтов, которых смогли многого добиться в укромных уголках и на окраинных регионах старых цивилизаций, играли в денежные игры с рынком и его антиподами, с лихвой захватывали свои доли прибыли на бесконечных торговых путях и эксплуататорских грабежах, а в итоге, благодаря двум беспринципным городам Европы, смогли установить свою гегемонию сначала на европейском континенте, а затем уже во всем мире.

Все исследования свидетельствуют о том, что эти спекулянтские группы были в высшей степени консервативными, не обладали никакой творческой мыслью, не принимали никаких новшеств. Сильно преуспели они лишь в одном — в «делании денег на деньгах». Единственная социальная сфера, где они смогли добиться успеха, — это извлечение прибыли в периоды голода и войн, увеличение своей прибыли на почве разницы цен в целом на мировом рынке. Интересной особенностью Европы начала XVI столетия стало то, что деньги обрели такую силу, которая позволяла им повелевать всем и вся. Деньги стали реально управлять и командовать. Сила была на стороне того, у кого были деньги. Несомненно, основным фактором стали чудовищные масштабы превращения всего окружающего в товар, установившееся господство рынка и глобальная урбанизация.

Ни у одной древней азиатской власти, султана или императора, даже ни у одного римского императора не было таких проблем, как превращение продукта в деньги, осуществление власти при помощи денег. Если и были такие вопросы, только и ограниченной форме. Мировые кладовые уже давно были перенесены во дворцы монархов. Но по мере того, как капиталистический сектор одерживал одну победу за другой, европейские короли оказывались в роли просящих денежные займы. Речь идет о совершенно другой стадии развития тандема денег и силы. Политическая власть впервые могла быть поставлена на колени перед деньгами. Эти реалии свидетельствуют о том, что власть денег усилилась

настолько, что они могли возложить на себя роль командующего жизнью. Эту истину озвучил Наполеон, говоря о своей армии: «Деньги! Деньги! Деньги!».

Преобладающая роль денежного фактора, лежащего в основе всех новшеств в истории мировых цивилизаций, способствует возникновению новизны в недрах цивилизации (речь идет не об истории того мира, который против цивилизации!). Но в основных качествах цивилизации никаким новшествам способствовать это не может. Действительно, ведь цивилизация и раньше была знакома с такими явлениями, как деньги, рынок, город, торговля, даже банки и векселя. Все эти орудия цивилизации были изобретены тысячелетия назад.

Другим важным моментом является то, что капиталистический сектор изначально не имел никакого отношения к производству. У капиталистического сектора не было никаких связей даже с мелкой торговлей. Для основных связей экономики не характерны никакие поиски и новшества. Он не является создателем товара и обмена, поскольку эти категории развивались на протяжении многих тысячелетий. Если и говорить о каких-либо способностях капиталистической экономики, то речь может идти только о том, что она очень хорошо познала силу денег, использует ее, превращает деньги в капитал, иными словами, извлекает прибыль из денег. Несомненным является ее мастерство в изучении городов и стран, дорог и рынков, где можно заработать денег. Капиталисты были мастерами плетения сетей, в которых обращаются деньги и товар. Говорить о том, что в начале XVI столетия Европа попала в эти сети, благодаря мастерству этой группы, значит согрешить против истины. Все приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что роль этой группы в цивилизационном развитии была в высшей степени проблемной. Порождение капиталистической экономики на почве денег и рынка отнюдь не является необходимостью. В азиатской цивилизации имелось гораздо больше денег и рыночных возможностей. Если бы между этими факторами была прямая связь, то раньше всего капитализм возник бы в Азии. Общепринятым является мнение о том, что зарождение капитализма не связано с наукой, искусством, религией и философией. Напротив, с моральной точки зрения эти дисциплины воспринимали появление капитализма с сомнением, противились этому.

Я всегда стараюсь напоминать об одной теме: почему такая мощная сила, как женщина, оказалась в столь бедственном положении, обреченной на участь служанки в доме мужчины, ж отличающегося особым умением и творчеством? Ответ, разумеется, кроется в той роли, которую играет сила. Когда у женщины отнимают ее хозяйство, неизбежным становится ужасающее заточение. Если еще прибавить к этому контроль со стороны сына, то можно будет увидеть, насколько женщина обезличена и вынуждена смириться со своей ролью униженной и оскорбленной. Что касается «сильного мужчины», то его падение на дно вызывает гораздо более серьезную тревогу.

Я уверен, что этим примером можно показать, насколько глубокое влияние на общество имеют деньги, превратившиеся в капитал. Речь идет о признании того факта, что деньги, обретая силу власти, перестали быть просто экономическим явлением. Профессиональный историк Фернан Бродель, говоря о том, что капитализм — это антипод рынка, следовательно, экономики, более того, находится вне экономики, фактически озвучил очень важную истину. Его суждение очень ценно, поскольку связывает экономику с такими

понятиями, как «мена» и «стоимость». Я согласен с тем, что капитализм, удушающий экономику, никакого отношения к ней фактически не имеет, более того, он является врагом экономики. Я УТВЕРЖДАЮ, ЧТО КАПИТАЛИЗМ ЭТО НЕ ЭКОНОМИКА, А ВРАГ ЭКОНОМИКИ. В будущих главах я подробно изложу эту тему. Являются ли финансы экономикой? Являются ли экономикой мировые финансы? Имеют ли отношение к экономике те бедствия, которые охватили окружающую среду? Является ли безработица экономической проблемой? Имеют ли какое-нибудь отношение к экономике такие явления, как банки, векселя, курсы валют, проценты? Какое отношение к экономике имеет слепое производство товара во имя прибыли, ставшей раковой опухолью на теле общества? Список вопросом можно продолжить. Но единственным ответом на все эти вопросы является категоричное «НЕТ!». Формула такова: «Деньги, капитал — это повод для власти!». Деньги, превратившиеся в капитал, своими хитроумными играми не создали ни новую экономическую формацию, ни капиталистическое общество, ни новую капиталистическую цивилизацию. В реальности существует невиданная в истории игра, начатая с целью установления власти над обществом, причем не только над экономикой, а также над политикой, армией, религией, нравственностью, наукой, искусством, историей, материальной и духовной культурой. КАПИТАЛИЗМ — ЭТО НАИБОЛЕЕ РАЗВИТАЯ ФОРМА ГОСПОДСТВА, ЭТО ВЛАСТЬ!

Рассмотрим последние четыре столетия истории человечества, называемые эпохой капитализма. Осталась ли хоть одна метка, ткань в теле общества, над которой капитализм не установил бы свое абсолютное господство и власть?

Хитрый английский социолог Энтони Гидденс говорит о трех факторах непостоянства современности: это капиталистическая форма производства, национальное государство и индустрия. Действительно, он прав, характеризуя современность такими краеугольными камнями. Но, полагаю, он понимает, что своей парадигмой создает теорию новой стадии войны за спасение капитализма на его родине. Теория бесконечного развития капитализма путем его видоизменений, вместе с праволиберальной Теорией конца истории и леволиберальной теорией бесконечности активно внедряются в сознание общества вместе с утверждениями о последнем вселенском подъеме капитализма.

Свои рассуждения о капитализме я продолжу далее на базе последующего анализа современности. В частности, это будет осуществлено в ракурсе таких понятий, как «национальное государство» «и индустриализм». Я постараюсь отследить современность именно в кулуарах власти. Я буду анализировать не в ракурсе вдохновившего меня названия «домашний капитализм», придуманного Ф. Броделем, но оказавшегося недостаточным, а постараюсь рассмотреть современную ситуацию на примере хитрого шумерского божества Энки или в подземных дворцах наподобие эллинистического Гадеса, то есть именно в тех местах, где ведутся невидимые глазу игры за власть. Стало быть, раз умнее будет назвать главу «Во дворце голого короля и божества без маски». Синтезируя все стили пояснений, я продолжу свои рассуждения о том, как капитализм, изначально охваченный идеей вселенской власти, реализует свои идеи, опираясь на такие краеугольные камни, как национальное государство и индустриализм. Потому что дробление серьезных стилей пояснения также является одним из первых дел, которое совершил этот новый Левиафан. Пояснение без объединения стилей является крайне недостаточным. Объединение помогает критике добиться своей цели. Мой метод может быть предан забвению, но я верю в то, что он неминуемо приведет к эффективному толкованию общественных отношений, и, тем

самым, к их осознанию. Я постараюсь изложить последнюю часть своих рассуждений под названием «Капитализм как враг экономики». Моя следующая книга под названием «Социология Свободы» будет посвящена анализу демократического, свободного общества, в котором торжествуем равноправие.